

Илья Рясной

Коридор

КРИВЫХ

ЗЕРКАЛ

12+

Илья Рясной

Коридор кривых зеркал

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рясной И. В.

Коридор кривых зеркал / И. В. Рясной — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Земля далёкого будущего. Золотой век в лучших традициях утопистов прошлых времён. Человечество вышло в дальний космос. И он оказался полон братьями по разуму. Притом в прямом смысле слова. На бесчисленных планетах присутствуют цивилизации, родственные человечеству - как генетически, так и социально, но, как правило, на низшем уровне развития. Послам Великого Предиктора Земли приходится не только устанавливать отношения с близкими цивилизациями, но и спасти их и одновременно пытаться раскрыть главную тайну Вселенной - что такое коридор искаженных зеркал...

Содержание

Вступление	5
Миссия первая	7
Миссия вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вступление

Абдулкарим осторожно, будто боясь повредить хрупкую ёлочную игрушку, коснулся ладонью зависшего в воздухе шарика голубой планеты. И с чувством выполненного долга произнёс:

– Ещё одна успешная миссия позади. И мы всё ещё живы, почтенный Александр.

Перед нами медленно плыли в воздухе несколько десятков голограмм разных, но в чём-то очень схожих планет. Это были вовсе не украшения в рубке звездолёта «Богиня Деви», наполненной чернотой космоса и пронзённой иголками звёзд. Это были этапы нашего нелёгкого пути. Те самые миры-зеркала, куда ступила наша нога. С каждой из этих голограмм связаны воспоминания – приятные, ужасные, окрашенные в яркие ликующие цвета побед или укутанные в унылую серость поражений.

– Удивительно. Даже не верится, что всё это происходило в прошлом с нами, – покачал я головой, ощущая, как вид этой цепочки миров-зеркал привычно заволаживает меня.

– Думаю, ещё труднее поверить в то, что с нами произойдёт в будущем, – улыбнулся Абдулкарим мечтательно. – Зеркал на наш век хватит.

– Их хватит всем до скончания веков, – усмехнулся я. – До конца времён, в который, впрочем, я не верю.

Миры-зеркала – это затерянные в бесчисленных измерениях и пространственно-временных флюктуациях, связанные одной цепью планеты, настолько близкие Земле, что воспринимаются её искажённым отражением. Или Земля является их отражением – это неважно. Биосфера, геология, атмосфера, спутники – всё схоже, но немного иначе.

– Не знаю, кем созданы миры-зеркала. Вселенским разумом, сверхцивилизациями, мерцанием информационного поля. Но они напоминают мне больше ожерелье, – Абдулкарим продемонстрировал старинное жемчужное ожерелье, с которым не расставался во всех полётах. – Только пронзены жемчужины планет не ниткой, а какой-то энергией. Какой-то общей идеей. Что главное в этих жемчужинах?

– Человек, – сказал я.

Это был не первый и далеко не последний разговор на эту тему в рубке звездолёта, мчащего в неизвестность послов Великого Предиктора Земли. И все доводы были отточены, но, несмотря на это, в спорах всегда появлялись какие-то новые идеи.

– Вот именно, – кивнул Абдулкарим. – Человек. В каждом из миров живут люди. Такие же люди, как мы.

– Только находящиеся на разных уровнях развития.

– Пока нам везло. Из известных миров-зеркал Земля наиболее развита в гуманитарном, технологическом отношении. Но главные встречи и сюрпризы впереди.

– А представь, если наша мировоззренческая парадигма неверна, и в Дальний Космос способны выйти цивилизации планет-зеркал с неразвитой духовной и этической базой.

– Ну ты же знаешь, мой друг, что неизвестный агрессор из глубины – это один из главных потаённых страхов Земли. Но даже если он обрушится на нас, уверен в одном – нить не порвётся. Ибо нет числа зеркалами. Ибо неисчислимы тайны мироздания. Ибо неисчерпаем человек.

– Ибо нет конца этому полёту, – я улыбнулся.

Мы уже давно должны были быть на Земле. Но вечно возникали какие-то обстоятельства. Зеркал много, а дипломатов мало. Мы же всё понимаем. Но иногда нестерпимо хочется домой. В унисон с моими мыслями запела тонкая струна вызова дальней связи.

Это был сигнал Кибернетического планировщика задач Дипломатической службы Великого Предиктора.

– Да лишит меня Аллах моей бороды, если это не очередное неплановое задание! – воскликнул Абдулкарим.

И оказался как всегда прав.

Миссия первая Мы здесь власть

– Смотри, кудрявые поливанки они готовы обменять на софт «Добрый Гоблин» из расчёта один к ста. По-моему, весьма выгодная сделка, – Абдулкарим был воодушевлён.

Полчаса назад звездолёт-трансформер «Богиня Деви» вывалился из К-мерности в стандарт-континуум и вышел на высокую эллиптическую орбиту вокруг Эль-Кум-Драгара. И теперь в рубке управления, представляющей из себя прозрачный, открытый настежь всему Великому Космосу пузырь, я и Абдулкарим могли любоваться медленно проплывающей под нами голубой, в кудрях облаков и ожерелье спутников, планетой.

На орбите мы попали в поле планетарного электромагнитного информобмена и получили доступ ко всем базам данных, в том числе Торговой грани Единой Бюрократической Пирамиды. И Абдулкарим с блаженным видом окунулся в океан коммерческих предложений, цен, проектов, всего того, что составляло для него и работу, и увлечение, и смысл жизни.

– А какие здесь глотуны! Ты посмотри, мой почтенный друг, какие глотуны! Ох, как мы тут всех кинем, разведём! Как надует! Это будет мой звёздный час!

Функционал-торговец Абдулкарим происходил из древнего арабского купеческого рода. Его таланты на Земле в условиях утвердившейся гуманистической цивилизационной парадигмы были не востребованы, и он нашёл себя в межзвёздной коммерции. За время скучного двухмесячного межзвёздного перелёта он пристрастился к старым книгам и фильмам, в основном, русскоязычным, которые вызвали у него странное ностальгическое чувство, потому что в те времена он жить никак не мог. И теперь по поводу и без оно он со вкусом вворачивал музыку звучавшие для него устаревшие русские слова – надуть, впарить, развести. И, хотя смысла их он до конца не понимал, но ощущал – вот в них сила, в них настоящая жизнь!..

Мой напарник был в счастливом светлом ожидании новых торговых свершений. Наверное, я, функционал-дипломат службы Планетарного Предиктора Земли должен испытывать схожие оптимистические чувства – не каждый день приходится первым ступить на чужую планету для установления дипломатических отношений. Но у меня было какое-то неуютное чувство. Об этом мире мы знали немало благодаря нитке Галактической связи – нам была известна его история, география, государственное устройство, мы общались с его представителями. И ничего необычного не видели. Но все-таки что-то меня смущало. Функционалом я стал благодаря обострённой интуиции. Вот она и подавала мне тревожные сигналы, которые обычно служили предвестниками грядущих проблем и опасностей.

– Абдулкарим, – решил я поделиться своими чувствами с напарником по этому полёту и моим старым другом. – Что-то с этой планетой не то.

– Что не то? Всё то, – торговец любовался трансформированным малым пузаном-глотуном, чье изображение висело в воздухе прямо перед ним. – Ещё как то! То самое!..

Цивилизация на Эль-Кум-Драгаре по технологиям застыла где-то на уровне Земли конца двадцатого века. Однако по биоинженерным проектам ее обитатели давно обогнали землян, и им было что нам предложить. Ведь на моей Родине у людей есть всё необходимое, всё обычное. Но нет необычного. Того, чего на Эль-Кум-Драгаре просто тьма. Поэтому Абдулкарим и приходил в такой восторг от перспектив взаимовыгодной торговли.

Мой напарник жаждал очередного триумфа на своём поприще. Он уже снискал известность в нашем мире. Ведь только благодаря его энергии и предприимчивости на Земле флаксики андеграунда могли вдоволь флорпиться, а Лига вольных металлургов пятый месяц квестила Большую Идею. И сбавлять обороты он не намеревался. Он прилетел покорять этот мир своими коммерческими талантами.

– Мы их обмишурум, объегорим! – воинственно вещал араб, разглядывая мелькающие голограммы. – Мы их омавродим!

– Абдулкарим, послушай, – не отставал я от него, поскольку меня не оставляло ощущение даже не столько опасности, сколько какой-то несурзанности. – У нас первый официальный визит. Мы первые земляне, которые ступят на поверхность Эль-Кум-Драгаре. Несмотря на идеальные предварительные договоренности, там есть какой-то подвох.

– Какой подвох? Ты посмотри, какие здесь великолепные постандроидные гунявы! – от избытка чувств Абдулкарим снял чалму и вытер ею свое круглое румяное вспотевшее лицо с жиденькой бородкой. Он по традиции носил вышитый золотом халат и чалму, как и положено представителю древнего арабского рода, и его вид навевал сладостные мысли о сказках «Тысяча и одной ночи» и манящих тайнах древнего Багдада.

Наш звездолёт находился от цели на расстоянии малого частотного прыжка – то есть, перемещаться можно было без шлюпок и кораблей, только благодаря автономному бросковому модулю, умещавшемуся в большой красный камень на моём браслете. И теперь мы ждали согласия с поверхности, чтобы совершить бросок.

Прозвенел хрустальный перелив, и бортовой комп равнодушно уведомил:

– Предварительная готовность.

– Приводи себя в порядок, Абдулкарим, – велел я, отрывая торговца от очередной голограммы.

Тот с кряхтением поднялся с пузырьчатого биометрического ложа и ввёл команду трансформеру-облачителю, в результате наночастицы его халата трансформировались в парадный дипломатический костюм. А это черные, чернильные, как будто дыра в пространстве, брюки, не отражавшие света, и мундир, усеянный красными и синими голографическими звездами. Слева на груди вращалась голограмма Земного шара, демонстрируя все материки и ледяные шапки. А на шее золотился шарф – это синхронизатор мерности. Вокруг головы засветился серебряный нимб, демонстрирующий доброту и искренность намерений.

Вот теперь мы оба выглядели настоящими представителями Земли, готовые к дипломатическим и торговым схваткам. Хотя была в нашей парочке некая комичность. Я – двухметровый голубоглазый атлет, и рядом со мной лысый низкорослый бородатый колобок с выступающим далеко вперед горбатым носом.

– Минутная готовность, – сообщил комп звездолёта. – Начинаю обратный отсчёт.

В воздухе зависли цифры – секунды уменьшались, приближая нас к долгожданному мигу. Абдулкарим всё никак не мог успокоиться, наоборот, воодушевление его росло:

– И учти, без куделиков плотозавров я оттуда ни ногой. Нам необходим этот мир! Заклинаю тебя, Александр! Это же Эльдорадо. Это Золотое Руно. Это Голоконда!

Цифры в воздухе дошли до нуля. И я коснулся пальцем браслета на левой руке, подавая команду автономному бросковому эфирному модулю, добавив традиционное гагаринское первопроходческое:

– Поехали!

* * *

Мозаика на площадке была затейлива и изображала чудесных, похожих на осьминогов и китов морских животных, атакующих парусные каравеллы. За нашей спиной возвышалось огромное белокаменное здание с куполом, напоминавшее собор Святого Петра в Ватикане. Вниз вели высокие мраморные ступеньки. А на замкнутой колоннадой гигантской, покрытой брусчаткой площади в самом разгаре был торжественный парад. В нашу честь, кстати.

Из-за «собора» выдвигались пешие и моторизированные колонны участников парада, выстраиваясь в ряды перед нами. Стоявший справа от меня толстый, с редкими волосами,

вечно улыбающийся и чрезвычайно оптимистичный старший референт Дипломатической грани Стракс Сицилий радостно комментировал:

– Это наши доблестные тяжелые ползуны... А это кавалерийский авангард Третьего стального круга... А это бронекаты десятой грани... А это подземные гвардейцы, закаленные в боях в Диких пустошах...

Ну и так далее. Лингвистический резонатор, представлявший из себя похожий на изумруд камень на моем многофункциональном браслете, позволял общаться свободно и забыть о языковом барьере.

Судя по грандиозности действия нас здесь сильно уважали. Реяли штандарты. Звенели литавры. Свистел, как турбина древнего керосинового авиалайнера, большой орган на гусеничном ходу. Рядами выстроились желтые пятибашенные танки. Шеренги болотных и речных пехотинцев в парадных водолазных костюмах гордо вздымали ноги в строевом шаге. Лязгали похожие на пауков бронеходы и жужжали бронекаты. Цокали копытами гигантские кони-мутанты, самый большой галопировал впереди строя, в кружевной зеленой праздничной попоне, оранжевой резиновой маске, и всадник на нем смотрелся как лягушка на бегемоте. В самом крайнем уголке площади, широко расставив ноги, стоял человекоподобный боевой робот пятиметровой высоты, выглядевший на этом празднике как-то уныло из-за затрапезной зеленой окраски и понуро опущенных плеч.

– Герои! – радостно вещал над моим ухом Стракс Сицилий. – Отважные львы, закаленные в боях!

– И много боёв было? – поинтересовался я.

Старший референт на миг стушевался, и тут же встрял его младший помощник – плотно сбитый, с цепкими глазами и роскошной черной шевелюрой Крякс Платоний:

– Уже пятьдесят лет никаких войн. Так что наша армия – это дорогая красивая игрушка, уважаемые гости.

– Крякс, ну как ты можешь! – возмутился Стракс Сицилий. – Вон идет испытанная в битвах...

– И в питейных заведениях, – добавил младший референт.

– Крякс!

– Молчу, молчу...

Последними заняли свои места колонны из поливальных машин и дорожно-строительной техники, радостно окрашенной во все цвета радуги.

По ступенькам к нам поднялся генерал, руководивший всем представлением. Он перешёл на строевой шаг.

Это был маленький, кругленький, толстенький человечек в ярко-синем мундире и золотой каске, как у брандмейстера девятнадцатого века. Он походил на механическую игрушку на шарнирах, ноги его в зеркально вычищенных сапогах, казалось, жили отдельно от него и при строевом шаге поднимались до уровня носа.

Он остановился перед нами, щелкнув каблуками и выпучив глаза, как глубоководная рыба. Козырнул. И настал, как мне показалось, драматический для него момент – надо было что-то сказать, отрапортовать.

– Мы... Приветствую! За дружбу между планетами.

– Земля приветствует вас, – торжественно изрёк я.

– За мир без войны! – щелкнул он зеркальными сапогами.

– Земля за галактический мир.

– И за войну без мира, – брякнул генерал, тут же поняв, что сморозил что-то не то.

– За мир! – добавил я.

С видимым облегчением генерал лихо развернулся – в строевой подготовке он был асом.

– Генерал Партикус Вульгарис, – пояснил старший референт. – Замечательный человек. Видный учёный. Академик!

– По каким наукам? – с подозрением поинтересовался Абдулкарим.

– Не в курсе, – вздохнул Стракс Сицилий.

– Уж не по строевой ли подготовке? – не выдержав, поддел я.

– Вполне возможно, – усмехнулся младший референт...

Наконец, длительная, но забавная процедура подошла к концу. И мы с референтами устроились в длинной, похожей на старинный бензиновый роллс-ройс широкой машине с лакированными крыльями, никелированными фарами и затейливой, как чугунная парковая ограда, решеткой радиатора. Водитель был отделен от пассажиров глухой переборкой. В просторном салоне мягкие кожаные сиденья располагались друг напротив друга.

За окнами машины проносился город, казавшийся каким-то игрушечным. Вообще, на этой планете мне всё напоминало ожившие древнее искусство аниме. Люди с большущими наивными глазами, улицы с тяжеловесными серыми зданиями, монументальными колоннадами, причудливыми башнями, ветками монорельсовой дороги, старомодными смешными автомобилями, гигантскими щитами реклам. Какое-то очарование было во всём этом.

– Официальная часть закончена. Теперь можно и поработать. У нас встреча с младшим референтом Торговой грани, – объявил Крякс Платоний.

– Да, да, я вот хотел бы узнать, о товарных поставках кузьев долгоносых, – потер жадно ладонями мой товарищ-торговец.

– Сперва мы должны встретиться с первым лицом, – напомнил я.

– С Верховником Бюрократической Пирамиды? А так ли он вам нужен? – с сомнением поинтересовался младший референт.

– К сожалению, у нас императив, – твёрдо произнёс я. – Мы должны согласовать порядок и характер визита с первым лицом. Когда Верховник может принять нас?

Зная приверженность туземцев к бюрократическим проволочкам, я уже приготовился выслушать, что на это понадобится не один, и не два дня, готов был ринуться в бой, спорить, доказывать.

– Когда? – Крякс Платоний посмотрел на массивные золотые часы на своём запястье и пожал плечами. – Пять минут ехать. Две минуты на согласование. От двух до трех минут – путешествие по дворцу. Через десять минут. Вам это подходит?

– Конечно, – кивнул я, озадаченный такой скоростью решения столь значительного вопроса, как приём у главы государства.

Машина развернулась и устремилась в сторону нависшей над городом украшенной каменной резьбой серо-коричневой пирамиды, являвшейся резиденцией Планетарного Верховника...

* * *

Мы шли в сопровождении печатавших шаг трёх медноголовых худосочных солдат дворцовой стражи и референтов-дипломатов. Под подошвами наших ботинок поскрипывал старинный паркет, стены коридоров были увешаны портретами влиятельных господ, на постаментах стояли причудливые доспехи древних воинов. И с каждым шагом во мне крепло ощущение, что я совершил какую-то ошибку. И эта тревога передалась Абдулкариму. Он склонился ко мне и негромко, но взволнованно заговорил по-арабски:

– Нам нужны эти отношения, Александр! Как же наше Общество синявок-стрекотунов обойдется без поставок почтовых трухлявок? А Глицапупики? Как же без них? Если не получится, то горе мне, горе!

Наконец, мы вошли в просторный зал с расписанным пасторальными пастушьими сюжетами сводчатым потолком. Вдоль стен в ряд выстроились красные бархатные стулья – как мне показалось, достаточно низкие, узкие и неудобные.

В центре, на всеобщем обозрении, на возвышении стояло кресло. Точнее, Кресло – с большой буквы. Это было чудовищное сооружение с причудливой резьбой по дереву и позолотой. Хотя седалище у хозяина этих апартаментов было достаточно внушительное, но, чтобы заполнить мягкое бархатное сиденье таковых понадобилось бы, наверное, три или четыре. Этот предмет мебели делали или на вырост, или с расчётом, что когда-нибудь люди станут бегемотами.

Сам Верховник походил на элитного кабанчика – плотный, широкий, низколобый, со щетиной на небритых щеках. На его парадном мундире золотом сверкали эполеты, серебрились аксельбанты, переливались блеском драгоценных камней ордена разных размеров и достоинства. Голову венчала треугольная шляпа с тремя кокардам. Он напоминал вождя негритянского племени, хорошо поживившегося на складе реквизитов киностудии художественных фильмов.

Вокруг кресла-трона в почтительных позах застыла пара советников – тощих, замученных и ленивых, в длинных халатах с изображениями драконов и дельфинов. Орден у них было поменьше, но тоже более чем достаточно.

Я приблизился к креслу. Поскольку никаких инструкций не поступало, то, как положено в таких случаях, склонил голову и отчеканил, внутренне посылая импульсы уверенности и доброжелательности:

– Мы приветствуем верхнего правителя планеты Эль-Кум-Драгара от имени всех народов Земли.

Верховник озабоченно посмотрел на меня, его круглые глаза выражали тупое недоумение:

– Земли?.. Ах, Земли. Угу.

Вперед выступил самый тощий и заморенный советник и произнес, шепелявя:

– Земля. Планета. Хотят дружить. Хотят торговать. Дружить и торговать. Торговать и дружить.

Верховник закивал, приподнял треуголку, почесал лысую голову, выбритую так тщательно, что от нее отражался свет ламп висящей под потолком массивной фарфоровой люстры.

– Торговать, дружить, – он пожал плечами и вопросительно, с подозрением, глянул на помощника.

Тот не успел опустить глаза, и Верховник по-звериному злобно ощерился – казалось, еще чуть-чуть, и он зарычит. Чиновник поспешно потупил взор. Верховник гордо надулся. И перевёл тяжелый тупой взор на посланников Земли.

– Сотрудничество наших планет пойдет на пользу нашим народам, – начал я петь привычную песню.

Говорил я вдохновенно и велеречиво – о гуманитарном сотрудничестве, о торговых контактах, о блестящих перспективах. В паузы успевал просочиться Абдулкарим и твердил что-то о поставках кнудликов фиксированных и даже кнудликов свободных в обмен на барионные трансфульгаторы и реакторные каскадные морализаторы. А потом опять я ловил волну вдохновения и вещал о том, что наши планеты должны жить дружно, и наши народы просто обязаны быть счастливы...

Я видел, что эти слова не доходят до высшего чиновника планеты. И тупое недоумение в его глазах вовсе не рассеивается, а только сгущается.

Наконец, хозяин дворца сладко зевнул и зажмурился. И я понял, что функционал-дипломат никогда не был так близок к провалу.

Вся встреча с первых слов пошла коряво, не туда, куда надо. Всё было как-то глупо, нелепо, все мои слова не достигали цели, а уходили в космос. И, главное, я не мог сообразить, какую линию поведения выстроить. Не мог понять, что в голове у Верховника. И еще меня пугало: если так ведет себя человек, который вознесен на вершину властного Олимпа, то что ждать от его подданных?!

Господи, ведь такой человек может сделать всё, что угодно. Например, если стукнет в голову, то прикажет заковать в кандалы представителей другого мира. Или расстрелять их.

Хотя физического воздействия я боялся меньше всего. При малейшей угрозе блок безопасности переводил нас в иную частотную мерность, и мы становились неуязвимыми для любого оружия стандартного континуума – хоть для стилета, хоть для термоядерной боеголовки. Но важно другое – проблема безумия, царящего на этой встрече, никуда не девалась. И Земля, и Эль-Кум-Драгара много потеряют, если мы сейчас не договоримся.

– Мы нужны друг другу, – уже без былого энтузиазма произнёс я. – Нам нужны мир и сотрудничество.

– Нужны? Не нужны? – пожал плечами сонный Верховник. – Мир? Или война? Война хорошо... На войне громко и оркестры...

Он зевнул еще шире.

И тут у меня что-то с лязганьем сложилось в голове.

– Мы выражаем восхищение, – потянула меня за язык непреодолимая сила. – И видим, что равных Вам нет. Во всей Галактике нет никого, кто больше подходил бы этому Великолепному Креслу. Единственный для единственного – если вы согласны, мы будем вас звать так. Единственный правитель для единственного кресла!

Я ощутил направленные на меня изумленные и вместе с тем уважительные взоры чиновников.

Верховный оживился. Пощупал кресло и даже подпрыгнул на мягких подушках, будто пытаюсь убедиться, что оно еще под ним. Гордо приосанился. И одобрительно гыркнул:

– Мир. Торговля. Кнудлики!

Атмосфера сразу разрядилась.

– Р-работайте. О результатах доложите секретарю, – заученно произнес Верховник. Он ошупал еще раз стул и протянул: – М-му... М-мму.

Присутствующие подобострастно глядели на него.

– Му... Мы... М-мы здесь власть, – со всей дури Верховник двинул кулаком по подлокотнику начальственного кресла...

* * *

В просторном, обставленном удобной офисной мебелью, лишённом даже намека на помпезность кабинете Торговой грани Абдулкарим с готовностью принял предложение чувствовать себя как дома и трансформировал парадный костюм в рабочий – то есть в халат и чалму. Теперь он чувствовал себя в своей тарелке и был готов к азартному торгу. Похоже, его партнер, младший референт Брукс Мельдоний – сухенький седенький старичок с пронзительным взглядом и хитрой улыбкой, был из той же породы. Началась эпическая торговая битва, достойная своего отражения в сказах, поэмах и легендах, только летописцев и романтических поэтов, к сожалению, в кабинете не было. Здесь собрались жёсткие и умные прагматики.

– Мы можем предложить хорошо зарекомендовавшие себя комплекты бытового обслуживания «Зомби-Тирекс» и «Титановый стрюк», – вещал, тщетно пытаясь утопить партнера в словах, Абдулкарим. – А также наноскопы для пониженных температур – они отлично помогут в условиях вашей южной полярной воронки. И всё за каких-то тысячу эквивалентов.

– Ох, как же мне больно слышать такие цифры, – отвечал старичок. – Сказки я любил только в детстве. А оно давно прошло.

– Сказки – это штопарики закрытые за пятьсот. И штопарики открытые за четыреста. Хотя я мог бы...

– Вы не представляете, как мне обидно. Каких-то шестьсот эквивалентов за отборные штопарики.

– Было пятьсот!

– Ну, тогда считаем, что договорились за пятьсот.

– Что? Триста! И то, если возьмете партию этических трансформаторов.

Пока эти двое наслаждались жизнью, я беседовал с Кряксом Платонием. Его непосредственный начальник на радостях, что всё обошлось, убежал готовить предварительный доклад секретарю Верховника.

Мы, развалившись на уютных кожаных диванчиках, пили терпкий горячий напиток, одновременно напоминающий чай, кофе и морковный сок с перцем, и при всем этом обладавший вполне достойным вкусом. Я уже второй раз наполнял свою фарфоровую чашку из пузатого чайника, сделанного из особого огнеупорного железного дерева.

– Я впечатлён вашим ходом с креслом, – произнес Крякс Платоний. – Это что, было как просветление?

– Сам не знаю, что за язык потянуло, – пожал я плечами.

– Вы угодили в самую точку. В самый центр проблемы. Кресло – это для Верховного и смысл, и цель, и содержание, и последний рубеж обороны. Это его всё!

– Только сейчас я осознал это. А так просто бросил интуитивно.

– Что ж, мы избежали ряда проблем и осложнений, за что вам большое спасибо.

– Не за что. Но...

– Вы хотели что-то узнать у меня? – внимательно посмотрел на меня младший референт.

– Да, но...

– Не стесняйтесь. Я же вижу, что вы хотите спросить, как мы докатились до такой жизни. И почему во главе нашей системы стоит личность, в голове которой мысли возрастают реже, чем пальмы на северных ледовых полях. Верно?

– Примерно так.

– У нас исторически чрезвычайно забюрократизированное общество. В отличие от Земли, у нас всего один континент, нет разных рас, минимальные различия между народами, так что достижение единого планетарного государства не было слишком большой проблемой и обошлось без сокрушительных войн и катаклизмов. Но поймите – бюрократия для нас это всё. Это основа нашего благополучия и стабильности. Она оказывает решающее влияние на все процессы в обществе. И, естественно, выстроена по жесткой вертикали, отсюда и Единая Бюрократическая Пирамида.

– Это я понимаю. Вот только...

– Вот только не перевернута ли эта пирамида вверх ногами? Уверяю, она стоит очень прочно. Просто бюрократия живет по своим законам, поэтому Пирамида приобрела некоторые специфические очертания... Смотрите, разве у вас не бывает такого, что начальник не терпит умных подчинённых, поскольку боится, что они займут его место?

– Бывает, – на миг задумавшись, согласился я. – Хотя в последнее время эти случаи единичны и строго пресекаются.

– А у нас это сплошь и рядом. Начальник назначает менее умного заместителя. Тот рано или поздно становится начальником и выбирает себе ещё менее умного заместителя. И так далее. Или, не в силах избавиться от глупого нерадивого чиновника, его выдвигают на повышение. И что в результате?

– В результате имеем Верховника, который не понимает вообще ничего.

– Правильно. Появляется Пирамида в нынешнем виде. Её основание – рабочие, инженеры, простые исполнители. Умные делают карьеру и рвутся вверх. Квалификация работников растёт, достигая своего пика на уровне младших референтов, которые исполняют основной объем управленческих задач. Это костяк системы. У нас нет заместителей и секретарей. Нас не подсидишь. У нас есть только наше любимое дело, которое мы выполняем с честью. А выше начинается борьба за власть и деградация.

– И вот наверху тупое, властолюбивое, подозрительное существо, готовое грызть глотки за свое место – не в переносном, а прямом смысле.

– Смысл их существования – кресло, в котором они сидят. Чем оно шире, тем вождественнее... На вершине Пирамиды не человек, а Кресло. Оно фетиш. Мечта любого карьерного верхолаза вписаться в него так, чтобы его не выковырять оттуда и экскаватором.

– А если тому же Верховнику вздумается порулить, и он начнёт отдавать приказы?

– Ну и что? Пирамида – это система. Все деструктивные импульсы будут заблокированы бюрократией, заморожены и заболтаны на уровне квалифицированных исполнителей.

– А вдруг Верховник решит за неисполнение своих приказов творить суд и казни?

– Ну так это тоже бюрократическая процедура. А мы мастера процедур.

– А зачем такая власть вообще? Зачем её вершина, которая не несёт никаких обязательств?

– Потому что власть – это самостоятельная сущность. Взамен которой пока мы ничего не можем предложить, если хотим организовать полноценное общество, а не прятаться по пещерам и не охотиться с дубинами на пятнистых кошконотов.

– В этом что-то есть.

– А как вы выстроили свою систему управления?

– Социальное конструирование, развитая техносфера и высокая духовность населения – три кита Системы Прогрессивного Управления.

– Звучит убедительно, но пока нам не по силам.

Между тем у купцов торг накалялся.

– Смузи трухлявые, жабрецы величальные за пятьсот! – причитал Абдулкарим. – О, Аллах, будь милосерден к своему верному слуге. Так, а это что? Кавтуки корневые – тысяча волн. Ох, ох.

– И за всё это – лишь жалкие генератор молитвенных волн, этический резонатор и подводный туннельный маслорез, – достойно отвечал Брукс Мельдоний. – Это выгодно вам и совсем не выгодно нам. Но поскольку дружба превышает выгоды, то...

Я отхлебнул горячий напиток, призадумался, потом поинтересовался:

– А почему снизу не сделать встряску и не сковырнуть людей, которые вряд ли в силу интеллектуальных особенностей смогут что-то противопоставить?

– И запустить процесс по новой? Чтобы была грызня наверху и опять закончилась тем же самым?

– Вы уверены, что закончится этим?

– Проверено. Даже выведен цикл – двадцать пять лет, и все будет по-прежнему. Но только с издержками – интригами, может, даже с кровью, грызней, уничтожением перспективных проектов. Поймите, у нас гомеостаз – система идеального равновесия. Мы не имеем сколь-нибудь серьезных внешних и внутренних угроз. Нам не нужна мобилизация и консолидация населения. А для приятного путешествия по спокойной реке неторопливый колесный пароход куда предпочтительнее реактивного катера, быстрого, но опасного.

«Да, много нам открытий чудных готовит просвещенья дух», – подумал я, весьма озадаченный нарисованной картиной.

– А полуяриков боязливых нам в таком количестве не надобно, почтенный. Не надобно! – воскликнул Абдулкарим, всегда тонко чувствовавший, когда его хотят надуть. – Как говорили наши предки – не надо нас кидать, и не кидаемы будете!..

Миссия вторая Только для чёрных!

– Запретные удовольствия в «Запретном плоде»! Встречайте знаменитого Тима Капуцина! – во всю свою лужёную глотку проорал Хромой Рол, и зал отозвался восторженными воплями.

Тим тяжёлыми шагами поднялся на сцену и его щёки зарделись. Он не испытывал никакой тяги к тому, чтобы красоваться на публике, не любил всеобщее жадное внимание, и его нисколько не прельщала земная слава. Он не стремился блистать и срывать аплодисменты. Он просто работал, честно и последовательно выполнял свой долг, как он его понимал.

В просторном, набитом людьми, зале кафе «Запретный плод» витал терпкий дым дешёвых сигар. Обстановка была простая и незатейливая, похожая на сельскую – обшитые грубыми деревянными панелями стены, деревянные столы и стулья, деревянная стойка бара и деревянная сцена со старым грязно-белым роялем. Никакой тебе новомодной цветомузыки, вогнутых зеркал, сверкающих шаров под потолком. Здесь царила аскетическая самодостаточность, которая живёт всего лишь в шаге от бедности. Зато звуковая аппаратура была дорогой и мощной.

Большинство посетителей, одетых в бедные старомодные костюмы вызывающе скромных расцветок и в шляпы – это трущобный народец. Белые, бледные лица, с красным алкогольным отливом или с присущей любителям наркотической северной колючки синюшностью. Тим даже восхитился, какой отборный сброд собрался здесь. Поколениями сидящие на пособии по безработице бездельники, сутенёры и шлюхи, торговцы наркотиками и грабители, вкалывающие за гроши на вредных производствах работяги. Но людьми не рождаются – людьми становятся. И сегодня все они пришли слушать его. И пока он, покачиваясь на каблуках, разглядывал их, шум в зале стихал.

И вот люди замолчали в ожидании. Тут Тим, ощутив привычный душевный подъём, задорно прокричал:

– Я пришёл к вам, чтобы сорвать тонкую плёнку приличий и скучного морализаторства! Я пришёл, чтобы раздвинуть ваши горизонты! Я пришёл стереть ржавчину устойчивых представлений и морали! Я пришёл взорвать ваше сознание!

Зал заулюлюкал, захлопал. А Тим продолжил уже тоном ниже:

– Я здесь, чтобы призвать демонов прошлого. Открыть вам тех, кто терзал души людей на Земле в далёком великолепном двадцатом веке. Сегодня наш вызов замшелым культурным устоям и высокомерному чванству общества – французский шансон!

Он шагнул к проигрывателю, отработанным снисходительным жестом мастера ди-джея прокрутил виниловую пластинку взад-вперёд с характерным скрипом. И полился колдовской, наполненный неугасимой жаждой жизни голос Эдит Пиаф на никому неизвестном здесь французском языке.

Потом были Мирей Матьё, Джо Дассен, Ив Монтан. Песни чередовались с рассказами Тима об истории культуры Земли, о её людях. Потом опять звучала чарующая музыка.

И грубые лица разглаживались, тупые выражения сменяла осмысленность и вдохновлённость. Всех таких разных посетителей сейчас объединяло чувство единения, ощущение общей культуры и общей ноты, которая дрожит в душе, делая близкими тех, кто рядом. Большинство этих людей знало, что у них нет достойного будущего. Но у них было волшебное настоящее, которое дарил им Тим.

Новые мощные динамики, неделю назад прикупленные по случаю хозяином бара «Запретный плод» Хромым Ролом у известных на весь район скупщиков краденого братьев Хапугисов, звучали выше всяких похвал. Наверное, еще недавно они услаждали ритмичной

напористой музыкой уши чопорных представителей богемы в каком-нибудь концертном зале в центре Юдостана, а теперь радовали простой народ, и в этом была какая-то изначальная справедливость – будто зелёный росток пробивался сквозь асфальт неравенства и расовой сегрегации. Во всяком случае, Тиму казалось именно так. У него вообще за время пребывания на этой планете на многое поменялись взгляды.

Звуки лились, и вот кто-то забился в беззвучном припадке, колотясь лбом о стол, но интеллигентно, стараясь не шуметь, чтобы не разрушить очарование момента. Кто-то рванул на груди белую рубаху. Кто-то счастливо глядел на Тима.

И Тим был счастлив. Он считал, что самое важное, совершаемое им здесь, на далёкой планете Джумба – это именно такие вечера. И он был благодарен судьбе за то, что видит эти наполненные надеждой и радостью лица.

Неожиданно погас приглушённый свет, и музыка пропала. Затем рубанули по глазам зажёгшиеся под потолком мощные софиты. И послышался громкий издевательский голос:

– Ну что, руконоги шерстистые! Сидим, музыку дикарскую слушаем. Ничего, мы сейчас уши-то вам прочистим! Мы вас научим Ктулху любить!

Огромный негр в золотом жилете и красных шароварах стоял в проходе, выразительно постукивая резиновой дубинкой по ладони. За его спиной маячили такие же внушительные мускулистые фигуры. И, судя по шуму и возгласам, на улице ждала многочисленная, возбуждённая, жаждущая крови толпа.

«Чёрный реванш», – подумал Тим, скривившись, как от зубной боли. Этих ребят он видел не первый раз и имел полное право сильно не любить их. Он с хрустом размял пальцы. Пусть блок безопасности он оставил согласно протоколу на своём корабле «Бог Шива», вращающемся на высокой орбите, но всё равно у него есть, чем порадовать этих негодяев.

– Бей расистов! – заорал огромный бледный бородач, хватая стул и запуская его в негра. И началась всеобщая добрая потасовка...

* * *

Абдулкарим развалился с книжкой в невидимых нитях силового кресла. На нем были его любимый, шитый золотом халат, чалма и туфли с загнутыми вверх носками. В рубке звездолёта был установлен коэффициент эффекта присутствия единица, так что создавалось полное ощущение, что люди висят в бескрайнем космосе. Всё это напоминало мне какую-то сцену из «Тысяча и одной ночи» – бородачатый джин, уютно устроившись среди звёзд, листает магический фолиант.

– И тут вор в законе отчеканил презрительно и гордо: «ну что, подлые козлы, найдутся и на вас перья и вольны, и да не дрогнет моя справедливая рука!» – с придыханием процитировал Абдулкарим строки из книги, сразу разрушив очарование момента. – Как сказано, почтенный Александр! Какая экспрессия! Какая жажда справедливости!

Он захлопнул свою любимую старинную книгу, с которой не расставался ни в одном полёте. Это была «Банда Бешеного снова в строю. Издательство ЭКСМО, 1999 год». Её страницы были пропитаны связывающим пластиком, не дававшим ветхой жёлтой бумаге рассыпаться в пыль.

– Двадцатый век, – продолжил Абдулкарим свою старую вечную сказку. – Литература и искусство, непревзойдённые в своей целостности. Друг мой, неужели я опять вижу скепсис? Тебя коробят мои справедливые слова?

– Ну почему, – пожал я плечами. – Каждый имеет право на своё небольшое умопомрачение.

– Твоя язвительность достойна лучшего применения. Я согласен с одним из моих учеников, мудрым разговором с которым у камина я посвятил немало времени, и это было не худшее

время, уважаемый Александр. Так вот, он считает, что именно двадцатый, а не девятнадцатый или двадцать второй век, породил самое человеческое искусство.

В редких перерывах между нашими торгово-дипломатическими миссиями Абдулкарим даёт уроки мастерства начинающим функционалом Службы межзвёздной торговли, и немало его учеников, боготворящих своего учителя, стали Мастерами и даже Магистрами торговли, не говоря уж о высокопоставленных администраторах.

– Кто же это молодое дарование? – поинтересовался я.

– Тим Капуцин.

– Тим, – я поморщился, стараясь вспомнить, кто это такой. И вспомнил худосочного юношу с устремлённым в бесконечные пространство взором первопроходца, готового поставить свою жизнь на кон ради достижения новых горизонтов и привнесения гармонии в самые отдалённые уголки Вселенной. Но не это мне запомнилось – такими стремлениями охвачены многие из наших молодых коллег. Помнится, я разглядел в его глазах огонёк сомнения, частицу мятежного духа, и подумал, что это человек, способный на неожиданный поступок, притом не всегда правильный. Честно говоря, я таких людей держал бы под плотным контролем.

– Талантливый юноша. Почтительный. Перспективный. Отрада моего учительского сердца, – увлекающийся Абдулкарим не стеснялся высоких эпитетов в лучших восточных велеречивых традициях в отношении людей, особенно учеников, которые оправдывали его надежды.

– Как продвигается его служение? – спросил я.

– Он уже Мастер торговли, – с гордостью изрёк Абдулкарим. – И полномочный торговый представитель на одной из планет-зеркал третьей группы. Не знаю, удастся ли повстречаться с ним на Земле, где он теперь тоже редкий гость.

Нас вскоре ждала Земля, на поверхность которой мы не ступали так давно. Нам предстояли длительный отдых и нудный, но обязательный курс психологической реабилитации. Нас ждали родные пейзажи, любимые города. И главное – нас ждали близкие люди. И они будут снова смотреть с укором, когда мы объявим, что опять уходим в полёт, потому что иначе не можем. Потому что мы созданы для такой жизни.

– Да простит меня Аллах милосердный, но при встрече я наберусь наглости напомнить Тиму, что он обещал подарить мне уникальный роман «Бешеный против лаврушников».

– То есть, будешь черпать мудрость веков уже из двух фолиантов? – хмыкнул я.

– Надеюсь на это, – сухо ответил Абдулкарим, демонстрируя, что он в обиде. Ничего, обычно его обида не длится больше сорока секунд, растворяясь в его добродушии, как сахар в горячем чае.

Дзинь – неожиданный звук ударил меня по нервам так, что по телу пробежала тревожная волна. Эта негромкая мелодичная нота всегда отзывалась нестерпимой вибрацией во всём организме. Так и было задумано. Ведь экстренный вызов Планировщика нельзя пропустить мимо ушей или проспать. На него можно только ответить.

В воздухе перед нами повисла и закрутилась звёздная галактическая спираль. И равнодушный, то ли грубоватый женский, то ли тонковатый мужской голос Кибернетического планировщика задач Дипломатической службы Великого Предиктора уведомил:

– Согласно пункту девять-два Базового положения Службы вам надлежит прибыть на Землю для релаксации и пополнения энергией единства. Однако возникла ситуация категории «круг».

Категория «круг» означала, что наш соотечественник попал в беду на одном из миров-зеркал. Опасность реальная, однако конфликтная ситуация может быть разрешена дипломатическими методами.

– Пространственная сфера инцидента? – спросил я.

– Планета Джумба. Фиолетовый объём, одиннадцатое окно.

– Почему мы? – недоумевающе осведомился Абдулкарим. – Наверняка есть дипломатические корабли гораздо ближе, чем мы – в самом фиолетовом объёме.

– Ваша двойка наиболее приспособлена для отработки нетривиальных задач, требующих нестандартных решений. Кроме того, пострадавший – Мастер торговли Тим Капущин, что для вас немаловажно.

– Тим! – воскликнул Абдулкарим. – Что с ним?!

– Он в плену. Подробная информация будет предоставлена информпакетом в случае вашего согласия.

Абдулкарим, подверженный эмоциональным всплескам, в отчаянье схватился за свою жиденькую бороду и запричитал:

– Ох, Тим. Мой верный ученик! Свет моих очей и отрада моих ушей, в которые лились его мудрые речи! Какие враги хотят твоей гибели?!

– Сколько вам нужно времени для обсуждения? – без какого-либо намёка на эмоции спросил Планировщик.

– Мы летим! – принял за всех решение Абдулкарим.

Ну что ж, возражать не буду. Если моему другу и соратнику это надо, значит, надо и мне. Ну а как же Земля? Не были там пять лет, ещё несколько недель ничего не изменят. Никуда она не денется со своей орбиты. Хотя я почему-то был уверен, что после выполнения этой миссии появится новое срочное задание, которое потребует нестандартных решений. А потом ещё одно. Мы как щепка, крутящаяся в водяной воронке – она вертится и никак не может угодить по назначению.

– «Богиня Деви», – объявил я, откидываясь в силовом кресле. – Курс на Джумбу по координатам согласно последней директиве Планировщика.

– Принято, – ответил искусственный интеллект звездолёта. – Частотные перемещения просчитаны. Вариативность в пределах нормы. Готовность к броску единица. Жду распоряжений.

– Чего тянуть кота за хвост? – махнул я рукой. – Поехали.

– Приготовиться к погружению...

* * *

Судья был долговязый, чёрный и корявый, как обгоревшая головёшка, да вдобавок ещё совершенно лыс. Он неутомимо и яростно вращал круглыми выпученными глазами, взирая на свидетелей, потерпевших и подсудимых с одинаковой ненавистью. Его золотая судейская мантия была измята, а у судейской короны погнулись зубцы.

Зал заседаний был круглый. В центре на возвышении стояли мраморный стол и покрытое позолотой массивное кресло судьи. Сзади скучали на табуретках два судейских стража в полосатой, как у зебры, форме. Вдоль стен тянулись жёсткие лавки для посетителей и пустующие клетки, в которых обычно ждали своей участи подсудимые.

В судейскую коллегия города после злосчастливого побоища в кафе «Запретный плод» было доставлено несколько человек, которые не успели смыться до приезда усиленной полицейской группы. Тим считал бегство чем-то постыдным и неправильным. Как истинный представитель Земли, он всегда отвечал сам за собственные поступки. И, не видя в них ничего плохого, готов был отстаивать свою точку зрения, чего бы это ни стоило. И вот теперь уже третий час вынужден был любоваться затянутыми и нервирующими судебными процедурами.

Представший перед грозным взором судьи испуганный хозяин «Запретного плода» Хромой Рол объявил, что его задача заманивать посетителей и получать деньги, а что там звучит – мелодия для барабана с оркестром или земной китайский шансон, ему всё равно. И посети-

тели – это не его родные дети, которым он вытирает сопли, а взрослые мужчины, за поведение которых он не может нести ответственности.

В инциденте в «Запретном плоде» не было ничего необычного и экстраординарного. Такие истории в присутствии Тима повторялись периодически. И на лекциях, и на тематических вечерах, и на концертах, которые он организовывал с целью пропаганды земной культуры, время от времени появлялись молодчики из «Чёрного реванша», и всё заканчивалось доброй потасовкой. Торговый представитель Земли к этому привык, как к одной из сторон туземного колорита, и не обращал внимания. В худшем случае ему приходилось платить не слишком обременительные штрафы, ловить на себе колкие ненавидящие взгляды молодчиков и выслушивать назидательные речи полицейских и судей. Потом в прессе появлялись язвительные злобные статейки о засилье антикультуры, которому необходимо положить конец. Затем всё утихало до очередной драки. Слава Богу, пока обходилось без смертоубийств – переломанные ребра, руки и ноги не в счёт.

Тим скучаяще взирал на процедуру допроса очередного участника конфликта – низко-рослого, чёрного как смоль очкарика-заморыша.

На судебных заседаниях по традиции допрашиваемые стояли перед судейским столом в допросном кругу, углублённом в пол так, что колени находились на уровне пола. И судья со своего трона взирал на людишек с высоты Закона и Порядка, подчёркивая ничтожность человека перед этими магическими силами. А этот судья вообще смотрел на всех как на тараканов, будто прикидывая в уме – прихлопнуть ли тапком или пускай ползают дальше.

В самой битве допрашиваемого хилого очкарика Тим как-то не заметил. Скорее всего, тот прятался в задних рядах, подзуживая товарищей воинственными криками, да по тщедушности своей в суматохе не успел скрыться от полиции и теперь отдувался за всех. А, может, и специально сдался – очень уж он был говорлив и убедителен.

– Ваша законность, – очкарик съёживался, стараясь выглядеть ещё меньше, чем на самом деле, и подобострастно глядел на судью. – Я нижайше прошу прощения, если на нас есть хоть малейшая вина. Я готов до конца жизни собирать водоросли в зонах принудительного труда. Но я хочу донести до людей правду! И только правду!

– Довольно пустого трёпа! – гаркнул судья, придавливая и так раздавленного допрашиваемого к полу своим тяжёлым взором. – Говори по существу! Коротко! Без эпитетов и эмоций!

– Конечно, ваша законность! Конечно! Я нижайше...

– К делу!!!

– Вываю к справедливости! Как пострадавший от грубого насилия. От имени своего и своих друзей!

– Пострадавший? – нахмурился судья.

– Итак, рассказываю по порядку. С немногими друзьями – любителями музыкального искусства, мы решили посетить открытую вечеринку в кафе «Запретный плод». Мы были наслышаны, что там будет звучать новая музыка. Новые мелодии. Новые направления. Что ещё нужно меломану?

– Дальше!

– И что мы застали? Оскорбление лучших чувств! Дикарские напевы! Гнусные мелодии первобытных племён, которые зовут людей к топорам! Так называемый шансон! Отрывка культуры пресловутой Земли, чьи представители так нагло навязывают нам свои вкусы...

– Да, да, – закивал, неожиданно расчувствовавшись, судья, и глаза его затуманились. – Именно отрывка. Именно... Что?! К делу! Мы собрались не выслушивать ваши дилетантские рассуждения о культуре.

– Почему дилетантские? – искренне обиделся очкарик. – Я музыкальный обозреватель газеты «Чёрная пятница».

– К делу не относится. Дальше.

– Когда мы захотели вступить в мирный диспут, то с криком «бей расистов» эти распалённые своими нечеловеческими ритмами дикари бросились на нас!

Тим зевнул. Он знал, что скажет этот заморыш. Они всегда говорят одно и то же. И всегда им всё сходит с рук. Особенно когда выясняется, что большинство расистов происходят из уважаемых чёрных семей. Об исходе судебного заседания можно не беспокоиться. Поэтому он принялся изучать роспись на высоком сводчатом потолке. Живописные миниатюры были посвящены практиковавшимся в прошлом методам дознания и справедливым воздаяниям за грехи перед Законом. Надо отметить, что предки нынешних граждан Республики Ктулху были достаточно изобретательны в деле поиска истины и взыскания за грехи. И картины потому вышли жутенькими и символическими – прокалывание лживого языка, обрубание загребущих рук, ломание убегающих ног, отрезание бездумных голов. Одно успокаивало – все эти услады вивисекторов в далёком прошлом, и нравы с того времени сильно умягчились. Смертная казнь отменена. пытки тоже отменены, если конечно не считать за них муки от самих судебных процессов с их бесконечными жонглированиями прецедентами, параграфами, которые туманят сознание любого нормального человека и будят в нём зверя.

– Зачем вы взяли с собой резиновую дубинку, которую у вас изъяли полицейские? – неожиданно спросил судья разливающегося соловьём очкарика.

Тот озадаченно посмотрел на судью, но тут послышался вопль:

– Протестую! Ввиду хилости и никчёмности мой подзащитный не мог воспользоваться дубинкой, а потому носил её как сакральный предмет!

Это подал голос адвокат. Он был из категории защитников, назначаемых государством при отсутствии платных адвокатов, и в разрезе кампании по экономии бюджетных средств защищал обе противоположные стороны – притом одинаково крикливо, агрессивно и бесполезно.

– Протест принят, – кивнул судья.

– И нас начали бить! Нас начали унижать! Наши жизни зависли на волоске! – нагнетал очкарик.

– Можете опознать тех, кто начал драку? – спросил судья.

– Я не видел начало. Но с ужасом взирал на ход драки. Вон, – очкарик обернулся и указал пальцем на Тима. – Этот пришелец со звёзд как боевая машина раскидывал десятки моих собратьев! Он демон разрушения! Ваша законность, это существо создано, чтобы убивать!

Судья озадаченно посмотрел на торгового представителя Земли, нахмурился, барабанил длинными тонкими пальцами по столу. Потом его лицо просветлело, и он сделал отметку в своём блокноте. Тиму его энтузиазм не понравился.

– Мы защищались. И из нас, а не из них, пятеро в больнице. Неужели вся сила закона не в состоянии защитить коренных жителей Ктулху? – демагогически вопрошал очкарик.

Думая о своём, Тим пропустил окончание допроса, не обращая внимания на вечное адвокатское «протестую» и судейское «Молчать! Говорить! К делу! Хватит нести чушь!»

Очкарик сошёл с допросного круга и его место занял Тим. Он выдал многократно отработанную речь. Говорил о своей работе по культурному сближению планет, о благотворительной деятельности среди малоимущих слоёв населения. Судья благосклонно кивал и что-то записывал, причмокивая сладко, как младенец, сосущий свой палец.

– Мы надеемся, что взаимное проникновение культур, в том числе музыкальных, приведёт к их обогащению, – завершил Тим свою речь.

– И чем же вы нас обогащаете? – почти ласково прищурился судья. – О каком таком музыкальном проникновении вы говорите? Конкретно только, ибо в конкретике сила правды!

– Ну, тот вечер был посвящён шансону. Мирей Матьё. Азнавур. Обычный французский шансон. Вы знаете, что это такое?

– Шансон?! Я знаю, что такое шансон! – неожиданно взорвался судья. – Какое низкопробство! Какой разврат! Вам не хватало рэпа? Вам уже не нравится джаз? Вы разложенец!

– Но это просто музыка, – растерялся от такого напора землянин.

– Просто музыка? Всего лишь просто музыка?! Это содержание ваших мозгов! И оно меня огорчает! – судья полез куда-то в глубь своей мантии, извлёк коробочку с таблетками и проглотил сразу несколько штук.

И тогда Тим понял, что добром всё это не кончится. По спине пополз предательский холодок.

Судья собрался, отстранился, и начал задавать быстрые вопросы:

– Вы специалист в области культуры?

– Прослушал курс культурологии на Земле. Хотя это не является основной моей специальностью.

– Понятно, – судейская ручка черкнула отметку в блокноте. – Вы проходили специальную военную подготовку?

– Нет.

– Откуда такие боевые навыки?

– Это обычное обучение для всех работников Внеземелья, – искренне отвечал Тим. Действительно, землянам, связанным с космосом, в обязательном порядке раскрывались определённые скрытые резервы организма, позволявшие в критических ситуациях убыстряться и наращивать многократно мышечные усилия, а также преподавался курс выживания в экстремальных условиях.

– Вы намерены дальше вести культурную пропаганду?

– По возможности да.

Тут уже судья улыбнулся во весь рот.

И удалился для вынесения судебного решения.

Не было его больше часа. Потом он торжественно поднялся на своё место и выпрямился. Присутствующие по правилам подобострастно преклонили колени.

– Я, судья городской коллегии Рукамуку Хитросплетённый, рассмотрев дело о бесчинствах и глумлении, беспристрастно постановляю! – торжественно изрёк судья.

И выдал своё решение. Всем задержанным он раздал различные штрафы, не слишком обременительные. А потом отчеканил:

– В ходе судебного заседания установлено, что Представитель Земли Тим Капуцин прошёл специальную боевую и культурно-диверсионную подготовку, следовательно, прибыл в нашу страну с определёнными целями. Согласно Прецеденту номер восемьдесят девять от девятьсот тринадцатого года основания он изобличён в недружественных интеллектуальных усилиях, направленных на эрозию культурного единства. До блокирования последствий указанной экспансии чуждых смыслов подлежит временной изоляции в доме присмотра до вынесения решения уполномоченного совета, созываемого во время военного положения...

Он торжественно пробил ритм на ритуальном барабане, тем самым подводя черту под заседанием.

Судебные стражи неохотно поднялись со своих табуреток и опасливо, вспоминая описание рукопашных подвигов Тима, приблизились к нему. Землянин спокойно протянул вперёд руки. На его запястьях захлопнулись тяжёлые браслеты чугунных кандалов.

* * *

В просторной приёмной с малахитовыми колоннами и расписным пасторальными картинками потолком нас встретил референт Демократического вождя Республики Ктулху. Этот

широколицый улыбающийся негр решил утопить нас в потоке слов, в котором изредка булькали пузырьки смысла.

В своей сбивчивой речи он за минуту успел пожаловаться на больных детей, жену и бабушку, на невероятные трудности, которые стоят перед ним при исполнении служебных обязанностей. На явную материальную недооценку его гигантских трудов во благо державы. Также объявил, что визиты к руководителю Республики расписаны на два года вперёд.

– Конечно, имеются окна. Но они предназначены только для чрезвычайных встреч. И для очень доверенных людей... Моим детям и бабушке прописали море. А яхты у меня теперь нет. И две тысячи единиц всего лишь не хватает, чтобы выкупить её. Вот и валится из рук работа, не могу понять – есть ли у меня окно для встреч или нет у меня окна для встреч, – выжидательно и мечтательно посмотрел секретарь на нас и ойкнул.

Железные пальцы атлетически сложенного руководителя Департамента внешних историй крутанули ухо зарвавшегося вымогателя.

– Ты что, паршивец! – прорычал дипломат. – Перед тобой не селяне с мёрзлых земель, а представители крупнейшей звёздной сверхдержавы с официальной миссией! Я тебе устрою и яхту, и купание – в Северном море!

Глаза секретаря прояснились, и в них вернулся разум, серьёзно потеснив до того безраздельно владевшую черепной коробкой алчность.

– Ой, уважаемые звёздные вожди, – подобострастно заулыбался секретарь. – Низжайше молю о прощении. Так сказать не оценил исторического значения момента. Доложу тотчас!

И он скрылся за тяжёлыми, обитыми медью дверьми.

– Вот ведь мошенник, – покачал головой руководитель Департамента. – Уже четыре судимости за коррупцию, а он всё не уймётся.

– Четыре? – изумился я.

– Только яхт у него пять штук конфисковали. А ещё дома, ранчо, секретные вклады в секретных банках. А он всё ворует и ворует.

– А как же он здесь работает?

– Хороший специалист. Незаменимый. Да и суд ему выносит приговор – принудительные работы по месту службы.

– Потрясающе, – покачал я головой.

– Мы непримиримо боремся с коррупцией, – строго произнёс руководитель Департамента, почему-то поглаживая кольцо с крупным бриллиантом на своём пальце.

– Э, я всё понимаю, уважаемый, – хитро протянул Абдулкарим. – Всем хорошо. И секретарь при деле. И работа идёт. И бюджет всё время пополняется за счёт конфискаций у него.

– Ну, это если посмотреть широко в узком плане, то появится некоторая сообразность такого вывода. Однако если... – перевёл дипломат разговор в туманную плоскость дипломатической терминологии.

Его прервал восторженный секретарь. Преданно глядя на нас, он объявил:

– Самый равный среди равных ждёт вас!

Кабинет был раза в три меньше приёмной, без колонн и архитектурных излишеств – чисто рабочее помещение с жёсткими стульями с высокими спинками, письменным столом, огромным телевизором и несколькими компьютерными мониторами.

Похоже, по древней традиции в вожди здесь выбирали самых здоровенных. Руководитель страны оказался двухметровым детиной средних лет, с немного более светлой, чем у других, кожей. Его серебряный халат с затейливой вышивкой привёл в восхищение Абдулкарима.

После положенных по протоколу приветствий, Демократический вождь предложил нам присаживаться и приступить к деловому разговору. Глаза у него были умные и пронизательные. Движения властные. И вообще, заметно, что человек это неординарный.

Говорил он ясным и чётким языком, сразу улавливал самую суть проблем. Держался с нами подчёркнуто вежливо, предупредительно, но вместе с тем что-то мне не нравилось в его манере общения. И через некоторое время я понял, что именно.

Он нас не считал равными! Да, мы тоже были умны, искушённые, имели вес и власть, за нашей спиной была мощнейшая звёздная держава. Но все эти наши достоинства перечёркивал один единственный, но очень весомый факт – мы были белыми!

И поэтому он был к нам снисходителен, как люди бывают снисходительны к забавным животным. Домашние любимцы могут доставить незабываемые радостные минуты, но они все-таки не более чем животные. Демократический вождь Республики Ктулху был интеллигентным, хорошо воспитанным, законченным расистом. И предпринимал гигантские усилия, чтобы это скрыть.

Тем не менее, будучи умным человеком и прозорливым политиком, он пытался сделать всё, чтобы не довести ситуацию до серьёзного дипломатического конфликта.

– Не скрою, – говорил он. – Ситуация сложилась столь же глупая, сколь и сложная. Весь корень бед кроется в том, что мы правовое государство.

– Сложность? – переспросил я.

– Вот именно – сложность. Закон для нас свят, ибо является основой национальной идеи и высшей целесообразностью. К сожалению, это привело к тому, что наше законодательство, которое носит прецедентный характер, настолько запуталось, что иногда возникают воистину чудовищные правовые аномалии.

Тут я его понимал отлично. Наша Земля немало нахлебалась бед во времена господства англосаксонского прецедентного законодательства. Суть его, предельно упрощённо, сводится к тому, что если какой-нибудь заштатный суд принял определённое решение, то оно становится прецедентом, то есть в аналогичной ситуации прочие суды обязаны принимать такое же решение. Всё это привело в двадцать первом веке в ряде государств к установлению диктатуры секты ортодоксальных юристов с последующим развалом экономики, правопорядка и утратой территориальной целостности. Это было достаточно опасное злокачественное явление, которое мы, к счастью, быстро вылечили.

– Городской судья Рукамуку Хитросплетённый, человек весьма замшелых представлений о жизни, суровый и упрямый, на нашу беду припомнил прецедент времён последней войны с Жёлтым континентом, – пояснил Демократический вождь. – Именно тогда, шестьдесят лет назад, с категоричностью, свойственной для военного времени, был принят термин «эрозия духовного единства». Какому-то тупоголовому военному пришло в голову, что мультфильмы и музыка косоглазых разлагают бойцов и прививают чуждые ценности. Поскольку сажать и казнить за мультфильмы как-то глупо, но и оставлять ситуацию без реагирования никак нельзя, всех, изблечённых в культурной экспансии, просто временно изолировали от общества по решению суда. Их окончательную судьбу решал специальный военный совет, который обычно высылал виновных на сельскохозяйственные отработки до конца войны, длившейся, кстати, тридцать лет. Это не считалось мерой наказания, а всего лишь способом превентивной защиты.

– Войны же нет, – возразил я. – И мы вам не враги.

– Вы не враги, а партнёры. Войны давным-давно нет. Но прецедент остался. И гирей повис на наших ногах.

– И что, теперь наш представитель должен отправиться на сельхозработы до самой старости?

– И на сельхозработы он отправиться не может. Войны нет, значит, не может быть создан и военный совет. Хотя он был бы в праве спокойно освободить его.

– Вы предлагаете объявить вам войну?

– Надеюсь, что вы шутите, – Демократический вождь нервно дёрнул щекой. – Нужно отменить, что мы в правовом тупике.

– И что же, почтенный властитель, никто не может отменить решение этого неблагодарного судьи? – заволновался Абдулкарим

– По закону это возможно. Нужен только ряд подписей. Ревнителя палаты милости и грехов, то есть Верховного судьи. И Надсмотрщика палаты мер и ответственности.

– То есть Генерального прокурора, – кивнул я.

– Именно. А также подписи Председателя Выборного конвента. И моя.

– И в чём проблема?

– Моя подпись, считайте, на этом документе есть. С парламентом мы договоримся. В конце концов лоббирования и предвыборных пожертвований никто не отменял. А вот прокурор и судья... Тут есть определённые трудности.

– Вы, опора власти и народа, не можете просто приказать им, призвать к благоразумию? – удивился Абдулкарим.

– Не могу... Вы знаете, мне очень нужны дипломатические и торговые отношения с вашей державой. Поэтому даю вам полную свободу на поиск решения любыми путями, кроме откровенно противозаконных. И обещаю любое моё содействие.

Что-то в его голосе мне не понравилось – какие-то нотки отчаянья. И я озабоченно спросил:

– И какой у нас шанс договориться со всеми?

– Никакого, – угрюмо сообщил вождь.

– То есть?

– Ни единого. Но... Я надеюсь на вашу хваленую инопланетную изворотливость...

* * *

Микрофон, похожий на шоколадное мороженое на палочке, мне совали чуть ли не в рот, будто надеясь, что я откушу кусочек.

– Правда ли, что торговый представитель Земли готовил взрывы детских приютов?

– Скольких наших отборных командос может порвать голыми руками лазутчик Тим Капуцин?

– Когда вы намерены штурмовать тюрьму для освобождения вашего диверсанта?

– Вы действительно являетесь передовым отрядом сил вторжения?

Журналисты галдели и лезли с диктофонами, микрофонами, блокнотами. Они ничем не отличались от своих беспокойных коллег на десятках планет. Получив горящий информационный повод, они поднимали галдёж, как чайки при виде выброшенного на берег кита. И не собирались успокаиваться, пока не склюют его полностью. Сейчас таковым китом была непонятно кем вброшенная тема, что для освобождения арестованного землянина пришельцы готовят масштабное вторжение с космодесантом и орбитальными бомбардировками.

– Как повлияет вторжение на биржевые котировки? – орали журналисты.

– Правда ли, что на оккупированных территориях земляне изымают из семей детей старше трёх для подготовки к службе в звёздной пехоте?

– Будет ли мстить нам белое большинство Земли за расистскую политику прошлых веков и принудительно навязывать межрасовые браки?

– Не отдадим Ктулху кровавым пришельцам! – орала массовка в задних рядах.

– Никто никуда не собирается вторгаться! – Не надо провокаций. Мы за мир и добрососедство. Мы за мир. За мир, – заученно повторял я, пробираясь через толпу журналистов от нашего лимузина к гранитным ступеням отеля «Радуга Ктулху».

Поселили нас в этом фешенебельном отеле на одиннадцатом этаже. В наше распоряжение предоставили водителя с машиной – длинным, ярко красным, с серебристой крышей и пятицветной мигалкой представительским лимузином. Охрану Демократический вождь нам

не выделил. В Юдостане – столице Республики Ктулху, запрещено ношение любого огнестрельного оружия и высокотехнологических средств защиты, но мы согласно межзвёздному протоколу имеем право на самооборону, а, значит, и на носимые защитные комплекты, которые делают нас недосыгаемыми для любых террористов и бандитов.

Журналисты нас донимали третий день, не давая покоя и прохода, так что у меня порой возникало почти непреодолимое желание дать приказ на пассивную защиту и разметать всю эту свору. Но мы терпели. Ведь терпению межзвёздных дипломатов могут позавидовать монахи в самых строгих монастырях.

Мы всё-таки с трудом пробились в отель через толпу крикливых созданий. Гурк Широкий, наш водитель, а по совместительству помощник по мелким поручениям, подобострастно улыбаясь, с поклоном пропустил нас в парадный лифт. Этот белый до бледности человек был вышколен, в строгой униформе, вежливый до подобострастия. В его глазах я иногда ловил смущение и недопонимание – он не знал, как с нами обращаться. Мы по статусу вроде и хозяева жизни, но этот плебейский цвет кожи – с таким не живут в таких отелях и не ездят в шикарных лимузинах.

Лифтёр закрыл за нами распашную решетчатую дверцу. Роскошный лифт с зеркалами, медью и позолотой неторопливо пополз вверх.

– Когда всё это журналистское безумие кончится, Гурк? – спросил я.

– Потерпите несколько дней, господа. На следующей неделе будет международный чемпионат в ногомач. Прибудут спортсмены с Жёлтого континента, и даже краснокожие команды. Так что всем станет не до межпланетной оккупации.

– Ждём, не дождёмся, – пробормотал я.

На планете с ума сходят по состязаниям, похожим на земной футбол. Только там команды по двадцать человек, мяча целых три, а поле побольше в полтора раза. Абдулкарим, падкий на такие развлечения, вчера вытащил из сети последние матчи и искренне наслаждался ими, а мне было как-то всё равно.

За последние дни мы, пользуясь выданным нам пропуском за подписью Демократического вождя, обеспечивающим доступ в большинство государственных учреждений, побывали в ряде Исполнительных департаментов, а также в Парламенте, чтобы прозондировать почву. Быстро выяснилось, что там и зондировать ничего не надо – готовы продаться все. Так что проблем с чиновниками и депутатами не ожидалось. Слуги народа прилично утомили нас вопросами: «ну по секрету, только между нами, когда начнётся оккупация?» «По ещё большему секрету – сколько платят чиновникам местной временной администрации? Нет, мы не хотим продаться заранее. Мы просто спрашиваем, чтобы быть в курсе. Хотя, конечно, Земля – прогрессивным мир»... Желающих продаться заблаговременно оказалось неожиданно много.

Дальше нам предстояло расщёлкать гораздо более крепкий орешек. Завтра предстоял визит к безумному судье Рукамуку Хитросплетённому.

В результате наших визитов мы убедились, что правовая и административная система Ктулху невероятно запутаны. Самое любопытное, что Искусственный интеллект нашего корабля, проанализировав полученную нами информацию, сделал однозначный вывод, что на таких рыхлых основах государство функционировать не может. Но при этом признаков, что оно разваливается, не наблюдалось. Следовательно, есть какие-то рёбра жёсткости – договорённости, правила, стоящие над законом.

Водитель проводил нас в роскошный, вычурный, с явным перебором украшений, золота, красного атласа и бархата номер, занимавший почти целый этаж. И мы остались одни.

Я подошёл к окну и увидел, что журналисты не собираются расходиться, надеясь ещё на что-то. С дома напротив кто-то целился из кинокамеры в нашу сторону.

С одиннадцатого этажа открывался вид на центр города. Перед нами тянулись ряды невысоких пяти-шестиэтажных зданий, за которыми серебрилась река, через несколько километров

впадающая в океан. Справа вздымались вверх громады небоскрёбов делового центра. Юдостан напоминал Нью-Йорк двадцатого века, вот только местный менталитет тяготел к вычурности и разноцветию, так что было много золотых шпилей, красных и зелёных фасадов, колонн, завитков, вычурных строений. В целом, город мне нравился. Было в нём некое очарование.

Через дорогу виднелась глухая стена пятиэтажного кирпичного дома, использовавшаяся для граффити. Обычно, вандалы писали на ней разноцветные названия каких-то местных, незнакомых музыкальных групп. Но сегодня неизвестные художники нам подготовили сюрприз.

– Ух ты, – произнёс я, присмотревшись. – Посмотри, Абдулкарим.

– Да не подводят ли меня мои очи? – всплеснул он руками.

На стене по-русски были написаны слова из известного романса: «Гори, гори, моя звезда». Ниже шла размашистая приписка, уже на местном языке: «Свободу Тиму! Белые с вами!»

– Этого ещё не хватало, – покачал я головой. – Похоже, начинается народное движение.

– И мы в шаге от того, чтобы нас обвинили во вмешательстве во внутренние дела планеты, уважаемый Александр...

* * *

«Белое население, генетически обладающее гораздо лучшими физическими параметрами и более склонное к физической работе, должно добиваться успехов и признания в сфере спорта. А точные науки и высшее образование пусть оставят чёрным», – процитировал Абдулкарим еженедельную газету «Рассуждения», являвшуюся ареной политических и социологических баталий.

Машина подскочила на ухабе. Абдулкарим перевернул лист газеты и продолжил цитирование:

«Нет сомнения, что в цивилизации, созданной чёрным населением, белые могут рассчитывать на роль лишь младших братьев, какие бы конъюнктурные законы о равенстве мы не принимали под давлением экзальтированной и легкомысленной общественности. Это наш чёрный дом. И именно чёрное развитое большинство должно направлять братьев наших меньших на пусть истинный, в меру сил заботиться о них, но и оставлять без сладкого, если они сильно расшались».

«Восемьдесят процентов преступлений, связанных с наркотиками, приходится на долю белого населения. Продолжительность жизни в обособленных белых районах Юдостана в два раза ниже, чем в среднем по стране. Чума косит белых. И имя этой чуме – северная колючка и синтетические наркотики».

– Всё так и есть, – сказал водитель Гурк, сворачивая с главной улицы столицы на многоуровневую развязку около главного порта. – Я скажу крамольную вещь. Если трущобы сжечь напалмом, а наших детей отдать в нормальные школы, то со временем у нас будет не меньше писателей и изобретателей, чем у чёрных... Хотя, конечно, генетика, я понимаю...

– Ох, ох, – разохался Абдулкарим расстроено и свернул газету. – Генетика?! Ох, как же всё запущено...

Рано утром из отеля пришлось выбираться через служебный вход, чтобы не попасться в лапы вездесущим журналистам. Нам удалось незамеченными занырнуть в наш лимузин. И мы отправились в городской суд. По телефону чопорный судья Рукомуку Хитросплённый объявил мне, что может нас принять в перерыве между заседаниями по судебному процессу «Чёрный реванш» против общества «Истинной памяти». Из газет я знал, что «памятники», как их здесь называли, обвиняли Республику Ктулху в геноциде белого населения столетней давности путём создания голода и нечеловеческих условий проживания, получившем название

«Беломор». «Чёрный реванш» требовал привлечения агитаторов за клевету. Обе стороны виртуозно жонглировали историческими фактами, экспертными оценками, и сам процесс длился уже третий год.

Судья Рукомуку встретил нас в своём тесном рабочем кабинете – он был какой-то настоженный, подозрительный и озлобленный. Ожёг нас горящим взглядом, даже не предложив сесть – но мы сами уселись в кресла.

– Вы откуда? С Земли? Правильно говорят, что где Земля, там культурная зараза. Эти романсы. Этот ваш Бетховен, – процедил, будто сплюнул, судья. – Это странная религия единобожия, которая является просто глумлением над совершенными в своей законченности идеями поклонения духам стихий и магии. Это всё экстремизм. Экстремизм и никак иначе!

– Мы понимаем вашу точку зрения, – кивал я. – Но сейчас речь идёт о взаимоотношениях наших планет. Вы как образованный человек должны осознавать, что именно плодотворное сотрудничество с Землёй – это ваш реальный шанс быстро перейти на новый уровень развития техносферы.

– Я не политик, не торговец и не инженер. И я решений не меняю! Мне может приказать только Верховный Судья. А вы им пока не являетесь, – захохотал наш оппонент вызывающе, демонстрируя не только независимость судей, но и их полную безмозглость.

Ну что ж, и не таких видали. И я завёл длинный, многословный разговор, не забывая биоэнергетическими импульсами чуть-чуть подправлять его эмоциональную сферу. Завёл песню об ответственности, о последствиях, тут он напрягся – видимо, тоже попал под истерию по поводу неизбежной оккупации страны, и глаза его забегали. И неистовства немножко поубавилось.

– Но я действительно не могу отменить решение! – нервно воскликнул он. – Даже под дулом ваших космодесантников.

– Зачем отменить? – удивился я. – Немного подкорректировать. И отпустить нашего соотечественника под залог. Безвозвратный. И неучтённый.

– Вы предлагаете мне взятку?! – возмутился судья.

– Это вопрос терминологии, которая не всегда отражает всех сложностей окружающего бытия, почтенный судья, – встрял Абдулкарим, который в наших путешествиях обожал иметь дело с коррупционерами, находя в этом какое-то удовольствие, противоестественное для представителя мира победившей новой этической парадигмы.

Судья нахмурился, грозно свёл брови. Посмотрел на сумму, написанную Абдулкаримом на бумажке. И горестно вздохнул, обхватив голову руками:

– Ох, где ж вы были раньше? Если бы я знал! Но теперь уже поздно. И поэтому – как вы смеете глумиться над статусом федерального судьи!

– Ну а фонд помощи судьям-пенсионерам? – не отставал Абдулкарим, выкладывая золотые треугольники на стол. – Нам нужно всего лишь свидание с соотечественником. Вы единственный, кто может его дать.

– Это пожалуйста, – золото как по волшебству исчезло со стола.

Судья встал, подошёл к стоящему в углу механизму из меди и стали, очень похожему на кассовые аппараты первой половины двадцатого века. Что-то настучал на клавишах. Потянул на себя деревянную ручку. И из щели на бронзовое блюдце выскочил медный кругляш с выгравированными символами.

– Завтра вы можете посетить дом гуманного присмотра, где перевоспитывается ваш соратник. Решение принято, – он стукнул в церемониальный барабан и гордо выпрямился – И учтите, я делаю это с презрением!

Мы вышли из серо-коричневого здания суда, балконы и крышу которого героически держали мускулистые боги правосудия. И направились к нашей машине.

Водитель с поклоном распахнул нам двери, потом вернулся за руль и спросил:

– Дальнейший маршрут, господа? Отель? Резиденция вождя? Увеселительные заведения?

– Нет, Гурк, – покачал я головой. – Покрутись немного по городу.

Лимузин влился в бурный поток дорожного движения. То тут, то там мы застревали в пробках и получали возможность в подробностях разглядывать улицы, заполненные деловито спешащими по своим делам жителями Юдостана. Но меня всё это не интересовало. Меня интересовало совсем другое.

– Абдулкарим, посмотри, эта машина уже второй день за нами катается, – произнёс я по-русски, показывая на жёлтую микролитражку популярной модели «Бычий горб», уверенно и нагло снующую в потоке.

– Служба тайных кругов, – предположил мой напарник.

– На контрразведку не похоже, – возразил я. – Уж не экстремисты ли это из «Чёрного реванша». Горячие головы там давно обещают взорвать проклятых инопланетников.

– Сейчас посмотрим, и кто у нас такой любознательный? – Абдулкарим активизировал фотонный конвертер, и прямо в воздухе перед нами появилась линза, приблизившая изображение.

Лобовое стекло жёлтой микролитражки было затемнено, но фотонный конвертер прогнал все режимы, и вскоре мы чётко увидели водителя.

Перед нами повисло смуглое женское лицо.

– Что нужно от нас прекрасной нимфе? – спросил Абдулкарим.

Лицо действительно было очень красивое, с правильными чертами и очень напряжённым выражением – видно было, что дама вся на нервах.

– Думаю, мы об этом рано или поздно узнаем, – заверил я...

* * *

В Республике Ктулху с недавних пор официально считалось, что криминальное поведение индивидуума имеет свои корни в проблемах детства. То есть из-за недостатка тепла человек берётся за нож и пистолет. И преодолеть эти психологические проблемы преступнику поможет погружение в детство, чтобы мысленно переиграть всё, получить не доставшееся тогда тепло. В результате такого подхода тюрьмы и исправительные учреждения были разукрашены в стиле детских садов – с ярко-зелёных стен улыбались сказочные слоники и бегемотики, в комнатах релаксации груды лежали мягкие игрушки и жужжали железные дороги. Охранники были одеты в яркие праздничные одежды, а тюремный психолог вообще носил одежду клоуна и накладной красный нос. И обращались к заключённым ласково: «мальчики», «девочки», что не мешало охранникам за любое нарушение щедро одаривать клиентов резиновым молотком или электрошокером.

В дом присмотра нас пропустили по жетону, выданному судьёй, без каких-либо проблем. Теперь ласково улыбающийся охранник вёл нас по своему заведению, и мы только с изумлением оглаживались на фантастические для таких заведений интерьеры. Наконец мы оказались в комнате свиданий с диванчиками, пуфиками и мультяшными персонажами на стенах.

– Тим, сейчас мы увидим его, – трагическим голосом сообщил Абдулкарим. – Мальчик мой. Лишь бы они не пытали его. Он слишком чувствительный.

В комнату ввели Тима Капуцина. Это был худощавый молодой человек с падающей на лоб непокорной чёлкой и черными, пронизательными глазами.

Я ожидал, что Абдулкарим, проявлявший такие эмоции по его поводу, на радостях бросится обнимать заблудшего торгового представителя, но мой напарник неожиданно превратился в айсберг, сухо поприветствовал своего ученика:

– Мир вам, Тим.

Торговый представитель склонил голову:

– Мир вам, Магистр.

– А теперь поведай двум очень занятым дипломатам, почему они вынуждены тратить своё драгоценное время на вызволение из тюрем нерадивых безответственных соотечественников.

С изумлением я понял, что ни о каких тёплых дружеских отношениях между этими двумя людьми речи не идёт. Тут строго связка: гуру-послушник. И не забалуешь. Да ещё чинно так, строго – на вы. Ну, Абдулкарим, после столько лет ты поворачиваешься ко мне совершенно другой стороной. Забавно-то как!

Тим, конечно, выглядел, как побитая собачонка. Но при изложении им его печальной истории я не заметил и грамма раскаянья. Наоборот, он с гордостью поведал о своих культурных программах по облагораживанию трущобного белого населения, о мелких конфликтах с властями, которые никогда не переходили определённой грани. Оказывается, он сначала организовал официальный культурный центр Земли в самом центре столицы, который не пользовался особым успехом – чёрным делать там было нечего, а белое население в тех краях не обитало. И тогда Тим не выдержал и как истинный русский подвижник пошёл в народ – спустился в самые трущобные районы, в самые злачные заведения с самой дурной репутацией, где зазвучала музыка Земли, и белые с изумлением стали узнавать об их ведущей роли на других планетах. Понятно, что властями такая деятельность не поощрялась, но и запрещать её никто не собирался. Пока на горизонте не появился упрямый судья Рукамуку с замшелым прецедентом.

– Тим, чего вас вообще понесло в просветительство? Вам мало было забот с поставками водорослей? – поинтересовался я.

– Водоросли – это работа. Донести до населения культурные достижения Земли двадцатого века – мой долг перед этим миром.

– Почему именно двадцатого? – спросил я, вспоминая многочисленные дискуссии с Абдулкаримом по этому поводу.

– Более поздние или ранние эпохи – это искусство, предметом которого являются сверхчеловек или недочеловек, – сразу воодушевился Тим, от былой его подавленности не осталось и следа. – И только на переломе эпох было искусство человека. Если, конечно, не брать взрывной революционный авангард и тяжеловесный соцреализм. Двадцатый век – время человека-эгоиста, пережившего стресс самых кровавых войн, занятого поиском внутренней свободы, осмыслением красоты мира и себя. И пока ещё не испорченного агрессивной пошлостью англо-саксонской масс-культуры и бездушной стандартизацией чувств и мыслей эпохи Трансгуманной Глобализации, едва не уничтожившей в человеке всё человеческое.

– И ради этих сомнительных теорий, ради шансона, романсов и полотен импрессионистов и сюрреалистов вы устроили тут такую заваруху? – я строго посмотрел на проштрафившегося торгового представителя, и не увидел ни грамма раскаянья, а только несгибаемое упрямство.

– Как вы не понимаете! – воскликнул Тим. – Вон наше современное искусство вселенской гармонии – оно зовёт к новым горизонтам и подвигам. В этой симфонии совершенства совсем затерялся маленький человек сего уютным мирком, который живёт в каждом из нас, которому хочется не нырять в чёрные дыры и осваивать н-мерности, а погрузиться с бокалом старого вина, глядя на горящий в камине огонь. Все эти шансоны и романсы – они для простых людей. А обездоленному, одичалому, невежественному, маргинальному белому населению ещё предстоит стать ими – простыми людьми, и только потом, в далёком будущем, сверхлюдьми, подвижниками. И им в этом отказывают...

– Не кипятитесь, мы всё понимаем, – примирительно произнёс я, решив не волновать этого фанатика. – Как режим содержания? Отношения с заключёнными? Нужна помощь?

– Меня здесь уважают, – гордо объявил Тим. – Я готов пойти до конца с этими людьми.

– Э, не забывайте, кто вы такой, – строго произнёс я. – Мы заберём вас на Землю. И пришлём сюда другого. Водоросли нужны нам как воздух.

– Я это понимаю.

– Мы вас вызволим, мой легкомысленный ученик, чего бы нам это не стоило, – важно изрёк Абдулкарим и неожиданно добавил: – И за то, что ты нам испортил отпуск и релаксацию – с тебя четыре тома про «Команду Бешеного».

Тим подпрыгнул на стуле и закричал:

– Учитель, договаривались на одну!

– Это когда было. Когда ты был почтенным человеком. А теперь четыре.

– Вы берёте меня за горло, учитель!

– Я беру тебя за твою совесть!

– Один том. И ещё подлинник приключенческого журнала «Сокол» 2003 года выпуска.

– Четыре тома про Бешеного. Ну и ладно – «Сокол» тоже можешь добавить.

– Грабёж!

Эти оголтелые коллекционеры сошлись в азартной торговле не на жизнь, а на смерть. Под конец Абдулкарим выторговал два тома. В результате оба прирождённых торговца были довольны собой и друг другом...

* * *

Вышли мы на улицу из весёленькой тюрьмы в смешанных чувствах. У меня возникло ощущение, что Тим нашёл себя, и ему вообще не хочется, чтобы мы его откуда-то вызволяли.

Лимузин двинулся через эстакаду, потом въехал на мост, перекинутый между островом и материком, на которых раскинулась столица. В лучах яркого и тёплого весеннего солнца искрились праздничной окраски небоскрёбы, серебрились ажурные шпили двух соборов-близнецов – это кафедральные капища духов воздуха и духов воды. Потом машина закрутилась в улицах и переулках. Нас везде сопровождала удушливая бензиновая гарь – спутник отсталых технологий, которым недолго осталось тут. Не без нашей помощи техносфера здесь быстро развивалась, так что вскоре бензиновые двигатели уйдут в прошлое.

– Упрямый мальчишка, – никак не мог успокоиться Абдулкарим. – Ты видел, как он торговался со мной, своим учителем!

– Да, зрелище было фееричное.

– Ха, а ты заметил, как ловко он отбил у меня две коллекционных книжки. Моя школа! Никому другому это не удалось бы! Из него выйдет легендарный барыга!

– Кто? – не понял я.

– Так в России в двадцатом веке именовали достойных уважения представителей торгового сословия.

– Надоели вы со своим двадцатым веком! – в сердцах бросил я.

– С нашим двадцатым веком, почтенный Александр. С нашим, – резонно заявил Абдулкарим.

Я обернулся и посмотрел назад. Вдали, в железном потоке, опять мелькнула жёлтая, похожая на жука машина «Бычий горб».

– В отель? – осведомился водитель.

Подумав, я принял решение:

– Нет. Мы хотим посмотреть город. Прогуляться по магазинам. Так что тормозни где-нибудь в центре.

Абдулкарим приподнял удивлённо бровь, но тактично не стал спрашивать, с какой это поры нам нравится гулять по магазинам.

Водитель остановился на стоянке у трёхэтажного бетонного куба со стеклянными зеркальными окнами и неоновой вывеской «Торговый дом Высокий полёт».

Блеск, стекло, металл, всё сияет – это был настоящий храм покупок и моды. Швейцар в форменной одежде непроизвольно дёрнулся в нашу сторону, увидев белые физиономии, но вспомнил, видимо, закон о расовом равенстве, оставивший в прошлом таблички «только для «черных», «с белыми животными вход запрещён» и отступил на шаг, ошпарив нас яростным взглядом.

Внутри магазин представлял из себя огромное пространство с прозрачным потолком, многоуровневыми, сияющими сталью и зеркалами галереями, переходами-мостиками, стеклянными лифтами, фонтанами, бесчисленными секциями одежды, мехов, обуви, драгоценностей, лотками с газированной водой и мороженым. Это было царство моды и высокого стиля. Здесь предлагались товары на любой вкус – респектабельные, ярких оранжевых и зелёных тонов костюмы, модные строгие красные женские пальто с зелёным мехом, тяжёлые золотые цепи, браслеты и обереги. Единственно, чего здесь не было – плебейской одежды вызывающе блёклых тонов, принятых в белых трущобах.

Здесь царил праздник потребительства. Чёрные женщины – молодые, в возрасте, с одинаковым энтузиазмом порхали стайками, как магнитом притягиваясь к магазинчикам. Их несчастные мужья привычно изнывали от многочасового топая по галереям и тяготились предчувствием неизбежных трат, которые обязательно окажутся в два-три раза больше запланированных. В общем, царила обычная суета, как и год, и десять лет назад. Только диссонансом служили мы – два белых, которых что-то занесло в этот храм добропорядочной чёрной моды. От нас шарахались, на нас смотрели с недоумением и изумлением. Нам шептали старые чёрные калоши вслед: «В наши времена их отходили бы кнутом или повесили на площади!»

Молодые, лишённые предрассудков девчушки помахали сочувственно руками, демонстрируя, что они за перемены и равенство. А у меня было какое-то противоестественное и постыдное чувство – мне нравилось, что мы вторглись в этот размеренный уклад и немножко встряхнули его.

Абдулкарим всё никак не мог понять, что нас сюда занесло, но знал, что я ничего не делаю без причины.

Мы зашли в шляпный отдел.

Там среди зеркал были вешалки с сотнями самых разных шляп на любые вкусы, кошелёк и погоду. Примерявший головной убор интеллигентный негр, завидев нас, возмущённо прошептал что-то под нос и чинно удалился. Продавщицы с искренним негодованием смотрели на нас – будто мы бродяги из-под моста. И они не собирались, радостно щебеча приветствия, подсакивать к таким покупателям, как это положено.

Одна было решительно и мрачно двинулась к нам, явно намереваясь нагрубить, но вторая неожиданно схватила её за руку и что-то зашептала. Презрение на лице решительной продавщицы сменилось изумлением и испугом. Она сглотнула комочек в горле и как-то бочком отодвинулась за стойку с кассовым аппаратом, стараясь не обращать на себя внимания.

Похоже, эти профурсетки опознали в нас пресловутых землян, тех самых, кого жёлтая пресса обозвала авангардом вторжения. Чего они ждали от нас – что мы начнём все крушить и извергать огонь? Или возьмём в заложники? Но обе были явно испуганы.

– Сколько стоит вот это? – я взял яркую зелёную шляпу с вычурной золотой бляхой.

На негнущихся ногах растерявшая всё своё высокомерие продавщица приблизилась к нам и прочитала жалобно:

– У вас есть льготная карточка магазина?

– Нет.

– Тогда восемь пятьдесят солидов.

Я примерил шляпу перед зеркалом, и Абдулкарим кивнул:

– А что. Тебе идёт.

Я скосил глаза. И увидел то, что и ожидал.

Мимо павильона проходила она. Та самая женщина из той самой жёлтой машины.

Теперь я рассмотрел её во всей красе. Это была изящная, стройная мулатка в темно-синем платье и тяжёлой золотой цепью на шее.

– Спасибо, – я мастерским броском забросил шляпу на вешалку и шагнул к выходу.

Тут откуда не возьмись выскочила стайка студенток в униформе Высшей гуманитарной академии, нагруженных пакетами, сумками, свёртками. Они скрыли от меня мулатку всего лишь на какой-то миг.

Но когда я выскочил на галерею, таинственной незнакомки уже и след простыл.

Я растерянно огляделся. Безрезультатно. Ну что ж, беседа не состоялась. Но ещё состоится. Я был в этом уверен.

– Пошли? – спросил Абдулкарим.

– Пошли. Больше нам здесь делать нечего.

В машине напарник объявил:

– А шляпа была ничего. Подошла бы нам для маскарада.

Он отдал команду костюму, и на его голове сформировалась, а потом пропала виденная нами шляпа. Водитель, изумлённый этими трансформациями, смотрел в зеркало заднего вида на Абдулкарима, как на настоящего волшебника. А я вспомнил древнее изречение, что развитые технологии для отсталых рас представляются магией...

* * *

Мы упорно пытались получить аудиенцию у Генерального прокурора. Но тот был то в отъезде, то в Парламенте, то работал с документами в секретной резиденции. Создавалось впечатление, что он просто не хочет встречаться, и мы уже подумывали просить о содействии Демократического вождя.

Для освобождения Тима нам нужно были три подписи – президента, генпрокурора и судьи, то есть собрать воедино все ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. В Республике Ктулху было почти религиозное почитание теоремы трёх рук – руки силы, руки Закона и руки выбора. На Земле эта злокачественная ересь о независимых ветвях власти, навязанная нам кровавыми французскими просветителями-масонами в восемнадцатом веке, именуется принципом разделения властей. В том или ином виде это вредное заблуждение гуляет во многих неразвитых гуманоидных мирах, как какая-то зараза.

До Верховного судьи мы сумели добраться без проблем. Он заверил, что открыт диалогу, только есть недопонимание с прокуратурой, и его подпись украсит документ только после того, как Генеральный прокурор уладит некоторые противоречия между судебной и надзорной властью. Так что всё упиралось в прокуратуру.

Также мы пытались найти способы решения проблемы в различных ведомствах. В процессе этих походов по бюрократическим лабиринтам и щедрой раздачей взяток мы получили кучу бесценных и бесполезных советов. В результате добились лишь одного – облегчили Тиму режим содержания. Теперь он жил в трёхкомнатной камере с обычными обоями на стенах, без всяких ёжиков и кошечек, у него был телевизор, видеоманитофон с горой видеокассет и широкий заказ блюд из окрестных ресторанов.

– Законы тут настолько запутанные и объёмные, что наверняка можно в них найти даже не калитку, а целые ворота, – сказал Абдулкарим, когда мы отдыхали в номере после очередного похода по инстанциям. – Да, нам не помогли бюрократы. Да могут нам крючкотворы!

В его словах был резон, и следующие дни мы обивали пороги самых дорогих адвокатских контор. Там высокомерные юристы, похожие на сытых лоснящихся котов, жрущих от пуза

рыбу в рыбацких посёлках, за дикие деньги обещали скромные результаты. Голова у нас шла кругом от ссылок на казусы, особенности процессуальных процедур, пунктов дремучих законов, принятых пятьсот лет назад, но так и не отменённых.

У меня создалось впечатление, что в Юдостане все судятся со всеми. Это был город сутяжников, где граждане засыпали друг друга исками по любому поводу, а иногда и без него. Верховная власть производила законы. Суды – прецеденты. Чтобы разобраться в них, требовалось всё больше юристов. И весь этот захватывающий процесс обслуживала целая армия адвокатов, судей, прокуроров.

В результате, помыкавшись, мы пришли к тому же, откуда и ушли – нам нужен Генеральный прокурор. И будем плясать от результатов встречи с ним.

– А если просто вломиться к нему в кабинет – как настоящая братва, как Бешеный с его командой? – мечтательно протянул Абдулкарим, раскачиваясь в кресле-качалке около камина. – Вспомнить героизм наших предков!

– Ты же понимаешь – так будет только хуже, – выступил я голосом благоразумия.

– Понимаю, – вздохнув, опустил с небес на землю Абдулкарим.

– Да и в кабинете своём он не бывает, насколько я знаю, – задумчиво произнёс я.

К стыду своему, я тоже просчитывал такой вариант силовой встречи и готов был заявиться к Генеральному прокурору незванным монголо-татарским гостем, расшвыряв прислугу, охрану.

– Тогда всё, я отдыхаю! – объявил Абдулкарим, трансформировал костюм в золотой халат, включил телевизор и демонстративно скрестил на груди руки.

По телевизору шли новости культуры. Вчера на премьерном показе фильма «Невольники поневоле», посвящённого страданиям белых рабов, режиссера и сценариста экстремисты из «Чёрного реванша» забросали тухлыми яйцами и гнилыми помидорами. Возмущённый режиссёр объявил:

– Правду не забросаешь гнилью. Белые – тоже где-то люди. И мы против рабства. Это позорная, хотя и необходимая, страница нашей истории!

По другой программе жрец стихии воздуха разорвался по телевизору, что падает интерес к духовным ценностям, люди перестают ходить на капища и приносить жертвы, молодёжь заражена вирусом неверия.

– Невиданное распространение получают такие еретические верования маргинальных слоёв населения, как единобожие. Особенно глубоко проникли они в артистический бомонд, стали популярны среди известных киноактёров, звёзд эстрады, талант которых часто идёт нога в ногу с легкомыслием, отсутствием твёрдых нравственных устоев и падкостью на модные течения. Эти люди становятся лёгкой добычей вульгарных и мерзких проповедников...

Мигнул экран телевизора. Ярче вспыхнули от резкого скачка напряжения лампочки и тут же погасли. В комнате стало темно.

– Вот опять! – воскликнул Абдулкарим. – На самом интересном месте!

Энергетическая система в Республике, особенно в Юдостане, была создана во время экономического подъёма – а тогда всё делали много, ударно и тяп-ляп. Что такое резервирование энергопотоков, их перераспределение – об этом тогда не думали. Так что стоило выйти из стоя одной подстанции, и без электричества оставалась добрая половина города. Вся эта инфраструктура держалась на соплях, финансировалась она из бюджета скупно, да ещё, по слухам, большая часть выделяемых денег растворялась на коррупционных счетах. Так что электричество в городе то скакало, то выключалось, и это было привычно.

В комнату постучали и быстрым шагом зашёл водитель.

– Почтенный Гурк, что там с электричеством? – спросил Абдулкарим.

– Я его выключил, – неожиданно деловито и резко произнёс водитель.

– Что? – не понял я.

– Блок-конденсатор обеспечил скачок электроэнергии и обесточил подслушивающие устройства в номере. Но это ненадолго.

Мы поражённо смотрели на всегда услужливого и улыбающегося водителя. Он был сосредоточен, и в нём не было даже тени вечного подбострастия. Сейчас это был волевой целеустремлённый человек.

– Скоро прослушка заработает снова. Так что слушайте внимательно. Вас завтра хотят видеть.

– Кто? – поинтересовался я.

– Генеральный прокурор. Но встреча строго конфиденциальная. И службе тайных кругов знать о ней не обязательно.

– К чему эти секреты?

– Я не знаю. Эти вопросы выше моей компетенции. Наверное, имеются веские причины.

– Всё равно нас будет вести служба тайных начал, – возразил я. – Тайну вряд ли удастся сохранить.

Мы подключили искусственный интеллект звездолёта к нашим средствам контроля, и теперь он анализировал всё, происходящее вокруг нас. И быстро вычислил, что нас постоянно пасут три или четыре машины наружного наблюдения.

– Пусть это вас не беспокоит, – отмахнулся Гурк. – Эта наша забота. Вы согласны?

Я думал несколько секунд. Что это за тайны такие? Что за секретные переговоры? Есть протокол, есть права и обязанности дипломатов, в том числе по встрече с официальными должностными лицами. Почему мы должны это презреть? И что за этим может скрываться? Покушение? Этим можно вообще пренебречь, пока работают наши защитные комплекты. Провокация? Ну, так каждый наш шаг и каждое слово фиксируются, и в любой момент запись может быть представлена заинтересованным ведомствам... Отказаться? Это легче всего. Но тогда мы так и будем вращаться по заколдованному кругу. Ну а водитель хорош – работает сразу на несколько хозяев – и на контрразведку, иначе не было бы его здесь, и на Демократического вождя, и ещё на тех, кто нас приглашает, да пусть это и правда генеральный прокурор.

– Согласны, – кивнул я, переглянувшись с Абдулкаримом.

– Ну, тогда утром готовьтесь в путь...

* * *

Внизу была искрящаяся на солнце, рассекаемая яхтами и кораблями водная гладь. Юдо-стан давно скрылся из виду. Небольшой, с полностью стеклянной кабиной вертолёт отчаянно молотил лопастями воздух, унося нас в океан подальше от континентальной береговой линии.

В винтокрылой машине нас было трое – сухощавый, чернокожий пилот и мы с Абдулкаримом. Пилот упорно молчал. Если бы он не сказал при встрече «На борт», мы бы посчитали его глухонемыми. Абдулкарим пробовал задавать ему какие-то вопросы, но тот отделялся кивками и пожатием плеч.

Мы понятия не имели, куда нас везут. И с самого начала этой «экскурсии» мы ждали какого-то подлого затейливого подвоха.

Наконец, я не выдержал:

– Нам ещё долго лететь!

Лётчик указал рукой, и мы увидели небольшую белоснежную яхту, покачивающуюся на волнах.

Вертолёт приступил к снижению. И вскоре завис над палубой.

Абдулкарим, кряхтя и жалуясь на жизнь, уцепился за верёвочную лестницу и неожиданно ловко спустился по ней. Спрыгнул пружиняще на палубу и опять заныл:

– Ох, мои старые кости!

Я спустился следом. Едва мои ноги коснулись палубных досок, а руки отпустили верёвочную лестницу, вертолёт унёсся вверх.

Нас ждал, широко расставив ноги и уперев руки в бока, широкоплечий, огромный, толстый негр в белой форме и в морской фуражке с золотистым ободком. У него было такое добродушное лицо и такая искренняя улыбка, что ему хотелось тут же улыбнуться в ответ.

– Здравствуй. Я Надсмотрщик палаты мер и ответственности Мулумба Великолепный, – представился яхтсмен.

Это был генеральный прокурор – тот самый гад, который не мог нас принять уже который день. Я поприветствовал его в ответ. Он пригласил нас устраиваться в парусиновых шезлонгах, расставленных на палубе.

– Если у вас сложилось впечатление, что я не хотел вас видеть, то оно ошибочное. Я не хотел лишних ушей. А здесь нас могут услышать разве только дельфины и акулы, – он провёл рукой окрест себя, будто рекламируя бесконечную водную гладь.

В ответ я выдал что-то очень дипломатически-тактичное, настраивающее на позитивные контакты и продуктивное сотрудничество. Абдулкарим ввернул вежливую фразу в цветистом восточном стиле, и можно было поставить галочку – контакт установлен, переходим собственно к разговору.

На столике перед нами были экзотические фрукты и запотевший кувшин полусладкого недурственного вина. Обстановка была располагающая и расхолаживающая. Но расслабиться я не мог – меня волновало, что такого нам хотел поведать генеральный прокурор, для чего пришлось лететь час на вертолёте, лишь бы избежать чужих ушей.

– Все эти разговоры о врождённом неравенстве, – завёл хозяин яхты разговор издали. – Ведь всё относительно. По большому счёту мы одинаковы вне зависимости от цвета кожи, волос или ботинок. Нельзя слишком сильно погружаться в предубеждения и забывать о том, что мы люди. И что суть каждого из нас – это неугасимая искорка вселенского пламени.

– Воистину так, почтенный законник, – поклонился Абдулкарим.

– Пусть духи и создали одних немножко совершеннее других, но это не повод рубить мечом. К сожалению, судья Рукомук Хитросплетённый всего лишь раб расовых стереотипов. Он слишком импульсивен и старомоден.

Абдулкарим кивнул согласно и воскликнул:

– Разрешите выразить обилие наших чувств и мыслей лаконичным языком моих доблестных предков?

– Пожалуйста, – согласился Генеральный прокурор.

– Закрыли нашего Тима по беспределу. И судья – волчара позорный!

– Вынужден согласиться с вашим смелым, но справедливым суждением. Но сделанного не изменить. Мы попали в прецедентную ловушку. Вы ведь в курсе, что теоретически ситуацию может изменить меморандум с подписями президента, судьи и прокурора?

– И мы хотим этого добиться.

– Не добьётесь. Это совершенно невозможно.

– Почему? – прищурился я.

– Можно немного лирики?

– Можно даже романтики.

– Что такое правовая система? Правовая система – это мышцы и жир государства. Если она перетяжелена, то весь организм становится неповоротливыми неуклюжим, а порой и вообще неподвижным. Иногда законы начинают перерождаться в злокачественные клетки – вроде они похожи на настоящие клетки, но пожирают организм изнутри и удаляются только хирургическим вмешательством. А хирургия – это очень плохо.

– Это революция, – кивнул я.

– Иногда да... Наша система очень сильно перегружена. Прецедентами, созданными по блажи судей. Безумными региональными законами типа ареста за езду на трёхколёсном велосипеде со скоростью больше ста километров в час или за распитие спирта из ведра. Творчеством верховных законодателей, каждый из которых мечтает угодить и избирателями, и тем, кто ему давал деньги на выборы. Так что по идее мы вообще не должны двигаться.

Я вспомнил анализ нашего компьютера текущей ситуации, который полностью совпадал со словами прокурора. И кивнул:

– Нам тоже это приходило в голову.

– Мы бы уже лежали на боку. Если бы не костыли.

– Какие костыли?

– Вы знаете, какую главную угрозу для общества озвучивает наш Демократический вождь? Правильно, коррупция. Ей объявлена беспощадная война. Она наказывается ссылкой на добычу водорослей. И всё равно, практически все чиновники в ней участвуют. Почему все? Где достойные подражания исключения в виде бескомпромиссных борцов за закон и порядок?

– А их совсем нет? – огорчился Абдулкарим.

– Не замечены. Причина в том, что кроме писанных законов существует устная правовая традиция.

– Что?!

– У нас закон существует в двух традициях – письменный, который принимается выборными депутатами на разных уровнях. Другой передаётся из уст в уста. И какой важнее?.. Конечно, важнее устная традиция. Это, как у вас говорят на Земле, отражение общественного коллективного бессознательно. Это и есть те самые костыли!

– И устный закон гласит, что можно и нужно брать мзду? – недоверчиво осведомился Абдулкарим.

– Он гласит, что существуют неписанные правила взаимоотношений между людьми, чиновниками. И так уже получилось, что судебная и прокурорская власть принадлежит враждующим политическим кланам.

– И что дальше? – нетерпеливо спросил я.

– А дальше – предложи вы любую сумму, скупите всех и вся, но на одной бумаге подписи Верховного судьи и Генерального прокурора не появится. Таковы неписанные правила.

– И ничего тут не сделать? – нахмурился я.

– Тут – ничего...

Что же получалось! Генеральный прокурор объявил, что очень хочет нам помочь. И не может. Вот и вся конспирология. И стоило для этого трястись в вертолёте и бороться с прослушивающими устройствами, уходить от наблюдения?

– Но прошу учесть – я на вашей стороне, – торжественно объявил Генеральный прокурор. – И готов по мере сил оказывать помощь... Хотя долго это не продлится. Отставка скоро.

– Почему? – без особого интереса полюбопытствовал я.

– Клан не выделил средств на продление моих полномочий.

– То есть?

– Клан решил, что выгоднее прикупить пару должностей из экономического блока.

– Прикупить?!

– Неужели вы думаете, что должности раздаются просто так?

– Всё тот же негласный закон?

– Ну да... В общем, я всё равно на вашей стороне.

– Все на нашей стороне, почтенный законник, – развёл руками Абдулкарим. – И президент, и вы. Только что нам делать?

– Разбираться в ситуации. Искать помощь. Помощников... И прошу вас, воздержитесь от силовых акций. Тогда и Республика Ктулху, и разработки водорослей для вас будут потеряны.

Абдулкарим зацокал языком при известии, что поставки водорослей могут накрыться, и взгляд его стал немного очумелым.

– Ищите помощников. Или ждите, пока они найдут вас, – настойчиво и многозначительно повторил Генеральный прокурор и поднял хрустальный бокал с вином...

Вечером я стоял на балконе и озирал окрестности, силясь собрать в кулак растрёпанные мысли и чувства.

Между делом отметил, что граффити-переписка на стене перед отелем множилась. Слова земных романсов были перечёркнуты чёрными линиями и припиской «Музыка рабов». Рядом было начертано: «Рэп – музыка чёрного человека!»

– Посмотри, меломанские страсти накаляются, – с ухмылкой отметил я.

– То ли ещё будет, почтенный Александр, – задумчиво объявил дальновидный Абдулкарим. – А мы всего лишь жалкие мухи в прецедентной ловушке!

* * *

Я с изумлением смотрел на экран телевизора в углу гостиной в нашем номере. Бойкая дикторша вещала:

– Официальный представитель Земли объявил, что народ Республики Ктулху должен готовиться к скорой оккупации, которой нечего противопоставить. Однако «Чёрный реванш» объявил, что это не повлияет на решимость его членов до конца отстаивать независимость Родины или, в крайнем случае, отдать врагу только выжженную безлюдную пустыню. С такой позиции не согласно движение «Миротворец», которое...

Я хлопнул ладонью по столу и воскликнул:

– Абдулкарим, это что такое?!

– Уважаемый Александр. Это означает, что твои успехи в журналистике весьма сомнительны и достойны порицания.

– Ну как они могут?

– Они? Они всего лишь цитируют тебя, мой почтенный друг.

– Ух ты, – я чуть не взвыл.

– Пока ты плескался в ванной, принесли новые газеты, – Абдулкарим кивнул на журнальный столик. – Мне кажется, ты откроешь там для себя ещё немало интересного.

– Бог ты мой, – я схватил стопку газет, на первой полосе большинства которых были мои фотоизображения.

Истерика по поводу агрессии Земли вопреки логике и фактам росла. И я решился на интервью центральному телеканалу, чтобы расставить все акценты и успокоить местное население. И теперь, листая газеты, только и мог шептать «да не обманывают ли меня мои очи».

Я отлично помнил, что я наговорил на телевиденье благожелательной, вежливой, тактичной телеведущей-негритянке. И все каверзные вопросы, все подозрения и недоверие, как мне казалось, я развеивал легко и непринуждённо, как волшебник облака.

Телеведущая: «Правда ли, что только совет, созываемы на период войны, может решить вопрос освобождения торгового представителя земли?»

Я: «Такой правовой казус имеет место. Однако думаю, мы все же найдём решение этого вопроса».

Сегодняшние газеты: «Земля не видит других способов освободить своего гражданина кроме войны».

Телеведущая: «Как вы оцениваете отношения Земли и Республики Ктулху?»

Я: «Как самые доброжелательные. Мы все люди. Земляне, можно сказать, полюбили вашу планету, её народ, культуру».

Газеты: «Захватчики полюбили нашу планету. Впереди война!»

Телеведущая: «Людей нервируют слухи о высадке ваших оккупационных сил».

Я: «Спешу успокоить граждан Республики. Опоры наших военных кораблей не коснутся космодромов Республики».

Газеты: «Представитель Земли заявил, что военные корабли не приземлятся на планету. Нам следует ожидать ударов с орбиты и космодесанта. Нас ждёт неминуемая война!»

Телеведущая: «А мы в военном отношении можем хоть что-то противопоставить мощи Земли?»

Я: «Ничего. Но такого просто не может быть. О чем вы говорите? Мы пока ещё не приняли ни один акт агрессии ни к одному государству или планете!»

Газеты: «Посол Земли официально заявил, что в военном отношении Республике ничего противопоставить Земле. Поздравляем наших сограждан. Нас ждёт неминуемая оккупация!»

Я только стонал как от физической боли, читая очередное откровение газетчиков. И клял себя, что связался с этой визжащей и машущей крыльями стаей стервятников. Самое смешное, что во всём этом балагане не было вообще никакой политики. А была обычная истерика ловцов сенсаций. И она уже давала свои плоды. На территории страны уже вовсю издавались разговорники и словари с местного на основные языки Земли. Кто-то копал подземные убежища в лесах и закупул продукты на период оккупации и голода. Кто-то записывал в ополчение, кто-то предлагал загнать белых, как пособников вторжения в концлагеря. На полном серьёзе обсуждалось – практикуют ли земляне канибализм, пересказывались жуткие слухи о наших нравах. В торговой сети ажиотажным спросом пользовались выпущенные подсутившимися производителями игрушек пластмассовые и оловянные фигурки земных космодесантников и боевых роботов. Появились значки «Я землянин». Новую компьютерную игру, посвящённую конфликту Республики с Жёлтым континентом, тут же переименовали в «Нашествие мутантов с Земли». Складывалась целая индустрия. После каждого подобного информационного вброса начинали скакать как бешеные акции и котировки, и биржевые спекулянты отлично наживались.

– А теперь слово известному оппозиционному политику и политологу Туплянку Весомому, – объявила телеведущая в глубине телевизора.

Полноватый, рыхлый молодой чернокожий прохвост с капризным изгибом губ и злыми диковатыми глазами напористо выдал:

– Несомненно, нам надлежит сдать землянам – это даже не подлежит обсуждению. Но сдать на наших условиях – строго, сурово, тем самым унизив оккупанта, заставив его краснеть! Вот предварительный список наших условий.

Он прошуршал какими-то бумажками.

– Оккупанты должны нам построить: электростанций тепловых – четыре штуки. Больниц – девятьсот тридцать восемь. Жилых зданий – одиннадцать тысяч девятьсот. Ледовый стадион в Юдостане. Ну а также отремонтировать офис нашей партии, как наиболее конструктивной.

– Но... – заблеяла ведущая, унесённая этим бурным словесным напором в зыбкие пески растерянности и неуверенности.

– И никаких но! Оккупант – это не только права, но и обязанности! И пусть Земля помнит об этом. А забудет – так мы напомним!

Полный праведного возмущения, я воскликнул:

– Это вообще переходит все границы! Завтра же выражу протест руководству Республики!

– Зачем? – Абдулкарим сладко зевнул. – Президент, госструктуры и так знают, что воевать с ними никто не будет, и от комментариев воздерживаются. А протестовать против жёлтой прессы – это окончательно уронить лицо.

– Ладно, – я прикрыл глаза, сделал несколько вдохов и выдохов, возвращая себе железное самообладание. – Бог с ними. Что нам делать дальше?

– Мы буксуем, уважаемый Александр, – вздохнул Абдулкарим. – А Тим томится в узилище у несправедливых правителей.

– Вариантов у нас всё меньше, – произнёс я. – Договориться с властями практически невозможно.

– И что остаётся?

– Раз обычные планы кончились, будем строить планы коварные, – усмехнулся я и включил глушилку, нейтрализующую прослушивающие устройства.

И мы стали строить коварные планы. Самый главный я выразил коротким ёмким словом:

– Побег!

– Ой, – Абдулкарим подёргал себя за бороду. – Ты же знаешь, там зона недоступности.

Действительно, тюрьма находилась в зоне недоступности для эфирных проникателей нашего корабля, то есть телепортироваться туда и телепортировать что-то оттуда мы не могли. Значит, придётся взламывать тюрьму, выводить пленного в точку эвакуации. А это целая спецоперация.

– И мы, два добропорядочных дипломата, пойдём рушить тюрьму? – выжидательно, и, как мне показалось, с затаённой надеждой посмотрел на меня Абдулкарим.

– Можем дождаться силовой спецгруппы, они все сделают тактично и тихо.

– Ой, – возопил Абдулкарим. – И что дальше, ты подумал?

– Нас попросят с этой планеты.

– И где тогда будут наши контракты по водорослям? Где, я тебя спрашиваю, почтенный Александр?!

Без поставок водорослей придётся туго нашим производителям сверхтонких псевдоинтеллектуальных структур. На дне местных океанов водились водоросли-кирпичи – это сложное краймоорганическое соединение, включающее в себя вкрапления редких металлов, совершенно уникальное, использовавшееся в биопроекторах нового поколения. Учитывая, что мы охотно обменивали товары и даже технологии на эти самые водоросли, Республика создала целую отрасль по их сбору и разведению. И вот теперь всё это из-за дурацкой ситуации и сумасшедшего судьи зависло на волоске.

– Можно свалить побег на третьи силы, – предложил я. – Когда Тим окажется на звездолёте, мы официально объявляем, что мы от него отказываемся и не имеем к его подвигам никакого отношения.

– Уже не получится. Вон, посмотри! – Абдулкарим подошёл к окну и кивнул на улицу. – Их с каждым днём все больше. Ситуация раздувается. И усугубляется.

Рядом с расписанной граффити стеной напротив отеля теперь каждый день толкались демонстранты. Они заводили громкую земную музыку, трясли транспарантами в поддержку Тима. И обещали, что не успокоятся, пока не освободят кумира.

– Ситуация переходит в сферу серьёзной политики, да ещё замешаны межрасовые проблемы, – посетовал горько Абдулкарим. – И нам не удастся скормить клюкву о побеге, организованном третьими силами, местному населению, даже если и политики на всё закроют глаза.

– Похоже на то. Но нам всё равно придётся идти на силовые шаги. И если надо, то отказаться от этих твоих водорослей.

– Но...

– Жизнь соотечественника священна.

– Я всё понимаю. Ох, Тим, водорослей я тебе не прощу! – сжал кулаки Абдулкарим. – И каковы твои окончательные предложения и планы, почтенный Александр?

У меня в голове засели слова Генерального прокурора о том, что нужно искать разрешение проблемы, расширяя круг общения и ища помощников. Что-то ведь он имел в виду. Он не производил впечатления пустопорожнего трепача.

– Будем искать выход в рамках правового поля, – сказал я. – Будем больше общаться с людьми.

– И что?

– И что-нибудь найдём, – я поднялся со стула. – Ты смотри свой телевизор. А я пойду, немножко проветрюсь.

– Далеко?

– Потолкаюсь среди протестующих. Попытаюсь понять, чем народ дышит.

– Ты хочешь, чтобы нам поставили в вину разжигание массовых беспорядков? – нервно хихикнул напарник.

– Я просто послушаю.

Спустившись на лифте, я прошёл через холл, обогнул ресторан и привычно устремился к чёрному ходу. Администрация выдала нам ключ от него, учитывая специфику нашего положения и толпы ненормальных, осаждающих отель.

Узкая лестница, тускло освещённая лампами дневного света, привела меня к массивной металлической двери. Задержавшись здесь немного, я отдал приказ пластформеру наночастиц, и моя одежда приобрела вид затрапезного костюма, в котором меня трудно отличить от бесчисленных обитателей белых трущоб.

Я провернул ключ в скрипучем замке и с усилием открыл тяжёлую дверь. И оказался на замусоренной неуютной улочке, мощённой брусчаткой, с серыми стенами мрачных жилых домов, тумбами брендспойтов и затейливыми канализационными решётками.

Здесь не было никого, кроме белого бомжа, уютно устроившегося рядом с мусорным баком, и нескольких драных котов, увлечённо копавшихся в пищевых отходах.

Я нырнул в переулочек и вскоре вышел на площадь перед нашим отелем.

Там, прислонившись к чахлому дереву, стоял одетый в обноски бородатый бродяга с магнитолой на плече. Завидев меня, он расплылся в пьяной улыбке и рассыпался в комплиментах сомнительного свойства:

– Чувак! Братан! Ты белый, я белый, и уже по одной этой причине мы изгои и отбросы! Этим чёрным чистоплюям никогда не понять, каково это быть презренным «снежком». Поэтому раздели со мной эту дозу колючки.

Он вытащил пакетик с жевательной колючкой и попытался всучить его мне.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, оценив благородство поступка, когда расстаются с самым дорогим. – Но сегодня не надо.

– Ну и ладно. Я тебя понимаю. Белый всегда поймёт белого! Долой колючку! Мы будем слушать вызывающий, бескультурный пошлый шансон в противовес их скучному высокодуховному рэпу!

Он кивнул в сторону толпы, изображавшей движения вроде старинного твиста возле граффити под мелодичные звуки итальянской музыки. Почему-то именно итальянские песни и мелодии вызывали наиболее оголтелую неприязнь музыкальных критиков и иных чернокожих респектабельных любителей музыки. Над толпой стоял дым жжёной колючки. Настроение у собравшихся было приподнятое, и они дружно скандировали:

– Тим мы с тобой! Тим, мы с тобой!

Над толпой реяли плакаты. «Лучше ласковая оккупация, чем расовая сегрегация». «Земля придёт, всех в чувство приведет». «Мама, я космодесантника люблю!» – этот транспарант с многочисленными следами губной помады.

– Вот это по-нашему! – вскинул бродяга вверх сжатый кулак. – Шансон, колючка и ласковые девки! Революция называется!

– А это не зайдёт слишком далеко? – спросил я.

– Это зайдёт ещё дальше, чем мы можем представить. Свободу землянину Тиму! – заорал он и, демонстрируя высшую степень доверия, ткнул меня локтём в бок.

– Свободу Тиму, – вяло поддакнул я.
– Вот так-то, – одобрительно кивнул бродяга. – Вижу ты не местный, чувак!
– Ну, как-то так.
– У меня есть отличная ночлежка на примете. Для моих друзей бесплатно. Там нам дадут суп и немного колючки. Потому что поддерживают наш единый порыв. Пошли?
– Да у меня есть, где переночевать, – смутился я.
– И где же?
– Я тут живу, – показал я на фешенебельный отель, потом кивнул на прощание и направился к входу, под изумлённый взгляд бродяги.
– Хитрый ренегат! – наконец крикнул он мне вслед.
Пока я шёл пару сотен метров до дверей отеля, то постепенно трансформировал костюм во что-то боле-менее приличное.

Швейцар на входе поклонился, пропуская меня. А у лифта ко мне подскочил строгий офицер в тщательно выглаженной военной форме.

– Посол, вам правительственный пакет, – сообщил он, меряя меня подозрительным взором.

– Ну, так давайте, – откликнулся я.

– Не всё так просто. Только после удостоверения личности. И только под роспись.

Мы поднялись в номер. Офицер долго, чуть ли не на зуб, изучал наши документы, при этом не устывая бубнить, насколько важна эта депеша и как он счастлив нам её доставить по поручению самого Демократического вождя. По-моему, ему просто хотелось почесать языком. Я расписался аж на четырёх бланках и налил курьеру рюмку марочного коньяка. Потом ещё одну, после чего, наконец, выпроводил словоохотливого гостя.

Любопытный Абдулкарим уже распечатал пакет и с чувством зачитал:

– «Вы приглашаетесь на официальный правительственный фуршет для представителей бизнеса, культуры, науки, а также дипломатов, в Общественный дом музыки и кордебалета. По окончании официальных мероприятий состоится премьера рэп-оперы «Бремя чёрного человека».

– Бремя чёрного человека, – кивнул я. – Надо идти...

* * *

– Несомненно, на сегодняшний день высшим достижением музыкальной культуры является рэп, а для особо изысканных любителей прекрасного – джаз с его неземными композициями и трансцендентальным уровнем постижения гармонии Вселенной, – уютно развалившись на мягких сиденьях нашего лимузина, Абдулкарим вслух читал газету «Культурный вестник Юдостана». – Однако наш век можно отнести к эпохе перемен и эрозии традиционных ценностей, что касается в полной мере и музыкальной культуры. И рождённые на диком континенте, перенесённые на плантации и чугунолитейные заводы песни и мелодии белого меньшинства ныне грубо вторгаются в традиционное культурное пространство. То, что мы сегодня с подачи инопланетников называем чуждыми словами романс и шансон родились у нагруженных тяжёлой работой, охваченных грубыми страстями невежественных людей. Не снимая с нас исторической вины за рабство, все же нельзя не отметить – рабы не могли создать изысканную культуру. Это культура плантаций, подворотен, наркодиллеров и бандитов. Общеизвестно, что в моду эти примитивные напевы вошли, когда во время периодического сдвига магнитных полюсов рухнула столичная энергосистема, и белые вандалы разграбили весь Юдостан, в том числе музыкальные магазины, завладев дорогостоящей звукозаписывающей аппаратурой. Тогда и появилась на рынке музыкальных услуг аморфная, тягучая белая музыка, каким-то образом начавшая захватывать первые места в рейтингах популярности. Но от этого она не

перестаёт числиться в маргинальной нише. И неудивительно, что именно наши сомнительные друзья со звёзд поддерживают этот культурный террор всеми силами. И вполне закономерно, что главный пропагандист этого непотребства пресловутый землянин Тим сегодня находится в тюрьме.

Абдулкарим перевёл дух, поцокал возмущённо языком и продолжил чтение:

– А что делать нам со всем этим? Запрещать этот хаос мелодий и звуков? Но мы же правовое государство. Обличать? Кто же поверит пустым словам? Мы должны ответить на это созданием новых, протрясающих разум и слух произведений нашей национальной классической культуры. Таких, как выходящая на сцену новая рэп-опера «Бремя чёрного человека», воспевающей именно традиционные ценности наших доблестных предков – мореплавателей, исследователей, покорителей новых земель.

– Как ещё не вспомнили, что романс – это музыка оккупантов, – хмыкнул я.

– Об этом написано в следующей статье, уважаемый оккупант, – успокоил меня Абдулкарим.

Общественный дом музыки и кордебалета являлся официальным центром классической музыкальной культуры, чем-то вроде Большого театра в Москве. И даже внешне где-то походил на него – тяжёлые колонны, очертания античного храма, барельефы с духами земли и воды на портике и бронзовой позеленевшей статуей Небесного покровителя Юдостана на фронтоне. Место это было престижное, для простых смертных труднодоступное, здесь в основном проводили время сливки общества, а также устраивались различные официально-статусные и вместе с тем развлекательные мероприятия типа сегодняшней громкой премьеры.

На стоянке перед домом музыки останавливались дорогие лимузины самых степенных ярких окрасок. Из них вылезали изящные дамы света, сопровождаемые предупредительными джентльменами.

Прямо на входе гостей встречал главный режиссёр рэп-оперы знаменитый и страшно модный в богемных кругах Хургунду Хилый. Он был в оранжевом фраке, с зелёной, в красный горошек, бабочкой. Режиссёр низко кланялся и пожимал руку каждому посетителю, одаряя очаровательной светской улыбкой и обнажая свои белоснежные ровные зубы.

Когда Хургунду пожимал руки мне и Абдулкариму, выражение, которое застыло на его лице, больше походило на пластмассовую маску – было видно, что этот жест вежливости стоил ему огромных усилий. Ну как же, представитель высокого искусства вынужден кланяться белым недочеловекам – это ли не жертва, это ли не то самое, воспетое им тяжёлое бремя чёрного человека! И вообще, нам он улыбался такой неестественно широкой улыбкой, как будто его вынудили поцеловать огромную пупырчатую жабу, и при этом за его спиной стоял человек с пистолетом и ждал случая выстрелить в затылок, если не увидит положенных счастья и восторга на лице пациента.

– Очень рад, очень рад! – прохрипел он, забыв добавить просящееся на язык – чтоб вы провалились, бледнокожие дикари!

В просторном зале всё было, как положено – яркий свет, празднично играющий в хрустале люстр и бокалов, вычурная позолота интерьеров, тяжеловесные колонны и бархатные портьеры, живая музыка рэп-ансамбля – ненавязчивая, но милая. И блистательный бомонд – чёрные, как смоль, аристократичные, нескольких поколений господа. Изящные, все в шёлке и мехах дамы всех возрастов. Золота и драгоценных камней на гостях было столько, что всё это мне напоминало модельный показ ювелирной фабрики. При этом я отметил, что украшения у молодёжи женщин согласно штормовым порывам моды имели упрощённые узоры, а некоторые вообще лишены религиозной символики, что в ещё недавние строгие времена традиций и порядка было невозможно представить.

Любопытно, что в этой толпе сливок общества встречались и белые, допущенные в свет в связи с веяниями времени. Держались они или нарочито небрежно, вплоть до лёгкой наглости

и панибратства, либо передвигались незаметными тенями, тише воды и ниже травы, стараясь не обращать на себя внимания. Но было заметно, что и те, и другие ощущали себя не в своей тарелке, какими-то самозванцами на чужом празднике жизни. Куда им до лёгкого небрежного аристократизма старых чёрных фамилий?!

Обособленно кучковались высохшие старички и старухи – ветхие свидетели иной эпохи, когда все занимали положенные им по рождению и цвету кожи места. Они с омерзением и брезгливостью смотрели на новый мир, новые отношения и с ужасом понимали, что по-старому уже не будет. И что это уже не их мир.

– Если так пойдёт, то скоро у нас изберут белого Демократического вождя! – презрительно оглядываясь на белых выскочек, громко восклицал сухонький злобный чёрный старикашка.

– Ну, это ты заговариваешься, дружище, – благодушно поправлял его тучный улыбающийся собеседник. – Белый вождь, ха!

Прозвучала торжественная музыка, обозначая открытие официальной части мероприятия. И, аристократично приплясывая под звуки рэпа, на возвышение поднялся сам Демократический вождь. Он без бумажки, вдохновенно и без единой запинки выдал витиеватую речь о дружбе между народами, планетами, людьми, животными, насекомыми, стихиями и минералами – в общем, между всеми, везде и всегда. Хорошее было выступление. Искреннее. Сменивший его Высший Шаман – главный религиозный иерарх страны, руководивший капищами всех стихий, говорил примерно о том же, но другими словами, более слащаво, напирая на сохранение великих религиозных традиций предков.

Потом начался долгожданный фуршет. И, стоит заметить, кулинары и виноделы постарались не ударить в грязь лицом – фуршет удался на славу.

Под торжественные звуки рэпа на просторный круглый стол в центре зала поместили медное блюдо с жареной бизоньей тушей – огромной и пузатой, как аэростат. Повар в белом колпаке мастерски отсекал от неё тонкие аппетитные ломтики и раскладывал на фарфоровые тарелки.

У меня голова шла кругом от обычного на таких мероприятиях мельтешения лиц. Нам покровительствовал руководитель дипломатического ведомства. Он всё кого-то представлял, с кем-то сводил. Исчезал к нашему облегчению, но вскоре появлялся вновь. И мы вынуждены были говорить, говорить, говорить.

Какие-то чернокожие типы интересовались, а будет ли вторжение, когда я гневно это отвергал, в ответ мне заговорщически подмигивали – мол, мы-то всё понимаем. Какой-то древний, похожий на обугленную головешку негр, колотя себя в грудь сухоньким кулачком, объявил, что уже выкопал из тайника дедовское кремниевое ружье и готов грудью встать против земного боевого робота-андроида. И пусть он погибнет, но тем самым вдохновит на победу отважных сограждан.

В этом мельтешении мне вдруг почудилось, что я заметил знакомую фигуру. Это было видение из какого-то другого мира. Силуэт появился и исчез. И я решил, что мне показалось.

Фуршет близился к завершению. По залу прошёл чернокожий слуга, звоня в звонок и оповещая, что пора в зал. Здесь по традиции весь персонал, который попадался на глаза, вплоть до билетёров, официантов и буфетчиков, был из чистокровных чернокожих. Белым издавна позволялось лишь вращать вручную под полом, обливаясь потом, тяжёлые механизмы сцены, да ещё убирать мусор после того, как последний посетитель покинет зал, чтобы не смущать никого своим видом. Традиции эти остались и сегодня. Хотя кто мог представить ещё полсотни лет назад, что белые будут сидеть здесь не под полом, а в ложах? Думаю, отцов-основателей Республики Ктулху при виде развалившегося в ложе белокожего банкира хватил бы удар.

– Ну что, пора, – Абдулкарим поставил на поднос хрустальный бокал с игристым вином. Вообще-то, мусульманам пить вино запрещено, но у Магистра торговли договор – Аллах поз-

воляет ему позабыть о строгих правилах, взамен получает упоминание своего имени по поводу и без повода.

– Пора, – кивнул я.

– Аллах, да сохранит он мне слух и разум от просмотра этой оперы, – по-русски негромко произнёс Абдулкарим, которого почему-то пугало это монументальное музыкальное действо.

На лестнице возникла толкотня, но не из-за того, что все лезли вперёд. Просто все по причине хорошего воспитания и в порыве аристократического благодушия настойчиво пытались уступить друг другу.

В этой толчее вдруг будто прощурился ветер. Я огляделся и увидел растворившуюся в толпе фигуру. Ну, теперь сомнений нет – это та самая изящная мулатка из жёлтой машины. И она сейчас коснулась меня своей лёгкой рукой.

Мало того, что коснулась. Она по ходу сунула мне в ладонь сложенный листок бумаги. И исчезла, как наваждение.

В дипломатической ложе, где мы были вдвоём с Абдулкаримом, я развернул записку. Там значилось:

«Завтра. Музей неестественной истории. В одиннадцать»...

* * *

В центре круглой площади стоял памятник первому императору Ктулху Лупапусу Великолепному. В тяжёлых доспехах, гордо возвышаясь в седле на боевом бизоне, он медной рукой указывал своим подданным путь в великое будущее. Площадь окаймляли два монументальных серых здания, украшенных длинными рядами колонн. Это были Музей естественной истории, показывающий развитие планеты, биосферы, движение материков, и Музей неестественной истории, посвящённый истории человечества.

Вход в оба музея был бесплатный. Посетителями в большинстве являлись школьники, одетые в одинаковую зелёную форму, от чего они напоминали малорослых солдат-новобранцев.

Мы прошли мимо скучающих музейных охранников, поднялись по широкой лестнице с застывшими мраморными статуями. И присоседились к стайке чистеньких негритянских детишек лет десяти, дисциплинированно слушающих женщину-экскурсовода. Среди негритят затесалась пара белых сорванцов, красующихся испачканными чернилами руками и лицами, с вызовом в глазах, их зелёные школьные куртки были расстёгнуты, открывая взору футболки с вызывающими надписями «Битлз» и «Русский романс» – видно было, что это малолетние фанатики так не поощряемых музыкальных движений.

Экспозиция начиналась с огромной стеклянной карты планеты.

Улыбчивая экскурсоводша тыкала лазерной указкой, сопровождая свои действия комментариями:

– Дети, вы видите вот эту грушу? Она заняла приличную часть южного полушария. Это Жёлтый континент. А кто живёт там?

– Желтобрюхие! – воскликнул чистенький, очень хорошо одетый, жирный негритянок, на шее которого висела толстая золотая цепь с дорогими драгоценными амулетами.

– Вот именно так называют жителей континента Хвань презренные расисты. Там живут хваньцы. И их отличает то, что они не слишком любят общаться с иноземцами. Из-за чего мы воевали с ними. А теперь немножко торгуем.

– Хваньские термосы, носки и жвачка! – не унимался толстый негритёнок.

– А также хлопок, чай, металлургия, компьютеры и многое другое... А вот эта россыпь островов на Севере.

– Красный архипелаг! – подняла руку дисциплинированная негрityночка, по виду типичная всезнайка-отличница.

– Точно, милая. Это именно он. Заселён краснокожими жителями, у которых нет своего единого государства. Они находят удовольствие в войне друг с другом. Однако иногда они объединяются...

– И лезут к нам! – хохотнул жирный негрityненок. – И огребают, красномордые!

– Грубо. Но в принципе соответствует действительности... А вот этот треугольник, поделённый пополам экватором.

– Белый континент! – крикнула отличница.

– Верно. Исторически самый отсталый на нашей планете. Только сегодня его обитатели пытаются создавать свои государства, но основа там племена...

– Бездельников и лодырей, – продолжал глумиться юный жирный расист.

– Ну, пресловутая лень её обитателей объясняется тем, что они привыкли пользоваться дарами щедрой природы, а не отвоёвывать у неё титаническими усилиями малейшие блага, как это делали наши предки... – указка переметнулась дальше, и экскурсовод продолжила: – А это оплот цивилизации и демократии на нашей планете – Чёрный континент, протянувшийся тонкой линией почти от северного до южного полюса. Вот это утолщение в Северном полушарии – что здесь?

– Столица Юдостан, – нестройным хором ответили дети.

– А что ещё есть на континенте?

– Двадцать пять небольших государств – королевств, княжеств, демократий, диктатур, – оттарабанила отличница.

– И всех мы кормим! – хохотнул жирный расист.

– Насчёт кормим – вопрос спорный, – продолжила экскурсоводша. – Но то, что они занимают подчинённое к нам положение – это невозможно отрицать. Самая развитая страна на континенте – Республика Ктулху, занимающая семьдесят процентов площади, восемьдесят процентов доли в машиностроении и транспорте, а также единственная, производящая современное ракетное оружие и космические корабли. И установившая контакт с представителями инопланетных цивилизаций.

Тут экскурсоводша права. Единственное государство, с которым имело смысл договариваться – именно Республика Ктулху. Поэтому мы и здесь.

– Пройдёмте теперь в нашу галерею свершений.

Дальше располагалась основная экспозиция. Там шли диорамы с восковыми фигурами и картинами, посвящённые разным периодам истории. Вот пещерные люди охотятся на саблезубого тигра. А вот целятся из первого лука. Вот испытывают первый парус. Осваивают железо. Строят капища. И дальше по возрастающей – от зала к залу. От первых скорлупок к каравеллам. От мушкетов к танкам и гаубицам. От подозрительной трубы к радиотелескопам. В стеклянных витринах лежали старинные каменные наконечники, бронзовые щиты. Вдоль стены шёл целый ряд первых ткацких станков.

– А вы знаете, что на Крайнем юге мамонты живы до сих пор и находятся под охраной Всемирной лиги гражданских прав лиц с ограниченной правоспособностью и животных? – спросила экскурсоводша.

Я поймал себя на том, что и экспозиция, и пояснения экскурсовода затягивают меня, как хорошее путешествие, хотя, конечно, я всё это знал – инструкции запрещают нам ступать на поверхность планеты, не ознакомившись досконально с её историей, географией и геополитическими раскладами.

– Эпоха географической экспансии, – ступив в следующий зал, сообщила экскурсоводша. – Открытие жёлтого континента. Экспедиции на красный архипелаг. И вот историческое событие – Белый Континент, на который ступил мореплаватель Баска Бомбардир. Его

встретили миролюбивые туземцы. А вслед за ним пришли безжалостные и подлые охотники за невольниками.

– А кто б иначе работал на плантациях резиновых клубней?! – возмутился юный расист. – Мы, что ли? Пусть скажут спасибо, что их привезли в цивилизацию, и что теперь они не на ветках в джунглях сидят, а на пособиях по безработице!

Говорил толстый негритёнок бойко, складно и явно с чужих слов.

– Действительно, тогда стремительно развивалось сельское хозяйство, металлургия, горнодобыча, – согласилась экскурсоводша. – Требовались рабочие руки. Рабы. Вот только подумайте о том, что до порта назначения невольничьи суда довозили живыми не больше трети рабов – остальные гибли по дороге от болезней и голода, находили вечный приют на океанском дне. Жесточайшие условия труда, хлыст надсмотрщиков. Многие историки считают, что это был позорный период нашей истории.

– Позор, что их освободили! – юный расист распался.

– И ты всерьёз считаешь, что освободивший рабов Демократический вождь Кулбан Бабай – это позор нашей нации? – внимательно посмотрела на толстого негритёнка экскурсоводша.

Мальчишка стушевался, но ненадолго. Вскоре циничная ухмылка снова засияла на его лице.

– Хлопок, из которого делали нашу одежду. Резиновые клубни, из которых делают шины наших машин. Это добывалось руками белых рабов, положивших жизни на плантациях.

– Папа сказал, что просто на большее эти ленивые дикие твари неспособны. Они понимают только кнут и голод. И они вечно будут слугами или бандитами, – снова завёлся мелкий расист.

Белые мальчишки мрачно посмотрели на него, один продемонстрировал кулак, но негритёнок только нагло ухмыльнулся.

– Папу надо слушать, но не во всём соглашаться. Сейчас другое время. Белые – почти такие же люди, как и мы.

– Как и вы? – окатил женщину уничижительным взглядом мальчишка-расист.

Экскурсоводша была мулаткой. А ещё в недавнем прошлом межрасовые браки осуждались раньше и белыми, и чёрными, дети были изгоями, которым в жизни ничего не светило. Хотя сегодня это уже выглядит абсурдным, однако предрассудки живучи.

Грубый выпад несколько не смутил экскурсоводшу. Она приблизилась к малолетнему расисту, с ног до головы оглядела его и произнесла:

– Если хочешь посетить полицию согласия – продолжай в том же духе.

Полиция согласия была специальным исполнительным органом, надзирающим за дружбой народов, впрочем, спустя рукава, потому что там собрались раскаявшиеся расисты, которые на проверку так и остались убеждёнными расистами. Но они все же иногда делали вид, что работают, а люди делали вид, что их боятся. В основном в этой службе делили щедрый бюджет, выделяемый государством на совершенно абсурдные программы примирения.

Самообладание экскурсоводши вызывало уважение. И вообще, должен отметить, что эта женщина восхищала меня – изящная, грациозная до невозможности. А глаза – большие, чёрные, внимательные и вместе с тем немножко насмешливые. Но таскались мы за этой экскурсией не из-за несомненных достоинств мулатки. Просто это была та самая женщина, которая сунула мне в руку записку в доме музыки и кордебалета. Она же следила за нами в своей жёлтой микролитражной машинке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.